

10-го апреля 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

9

9

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го квітня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Ю. Гончаров — А. Персидсков — К. Поляков: * * Стихи.
2. П. Атаманцев: Степь (Стихи).
3. П. Атаманцев: Инструктор.
4. О. Олесь: * * Стихи.
5. Бѣлэшкэ: Кишиктэ. (Окончание).
6. Алексей Персидсков: * * Стихи.
7. Константин Поляков: Весна. (Стихи.)
8. Б—н: * * Стихи.
9. Российская интеллигенция.
10. Т Стариков: Митрофан Петрович Богаевский.
11. О. Долинский: Восток Европы и самоопределение народов.
12. Д-р С. Федоров: Социальные факторы и образование народности.
13. Мих. Минаев: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
14. Шамба Балинов: Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.
15. Об „исторических документах“.
16. Думы и мысли казахи.
17. На Украине.
18. Казачья эмиграция.
19. В Казачьих Землях.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

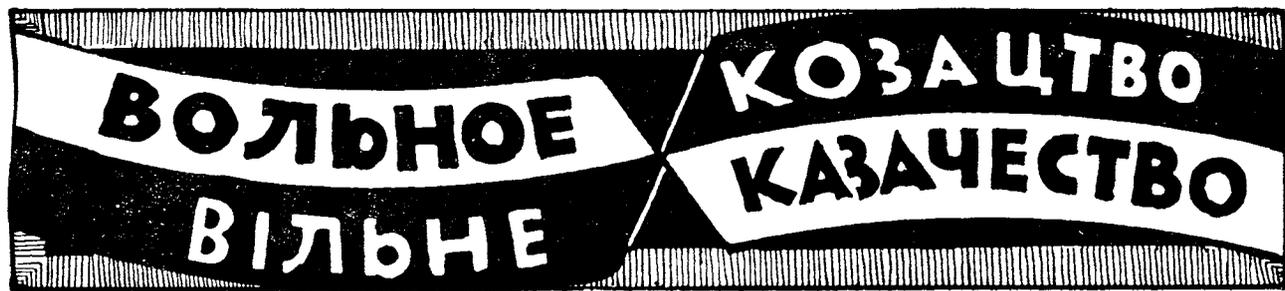
Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р. . . . . 3 кр.	В Болгарии . . . . . 10 лева
В Польше . . . . . 0.75 зл.	Во Франции . . . . . 2 фр. 50с.
В Югославии . . . . . 5 дин.	В других странах . . . . . 15 ам. ц.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 9.

Прага, вторник 10-го апреля 1928 г.

№ 9.

Юрий Гончаров.
Алексей Персидсков.
Константин Поляков.

* * *

Новую книгу раскроем,
Крест сотворив на челе:
Павших за Дон — упокоим
В древней ковыльной земле.
Время: живым за мертвых
Стать, опоясав грудь
Ремнями лент пулеметных, —
Двинуться в пламенный путь.
Время, нахмуривши брови,
Взгляд заострить в полутьму,
К старой, забытой воле
Зычно позвать голыдьбу.
Время нам: с плеч могучих
Скинуть дареный чекмень,
Сами найдем — получше
В грозно-разгульный день.
Будут: лихие годы!
Будут: проклятья и кровь!
Храмов родимых своды
Мы — отвоюем вновь!

П. Атаманцев.
(Болгария).

СТЕПЬ.

Широко, привольно раскинулась степь —
Не видно начала и края!
Дрожащего марева дивная цепь
Бежит над землей, замирая.

Бездонная чаша лазурных небес
Краями всю степь охватила.
Над берегом Дона задумчивый лес
Волшебная тишь усыпила.

Сидит неподвижно, бросая свой взор
По вольному Дикому Полю,
Могучий орел, — как крылатый дозор,
Блюдет он старинную волю.

Гей, Дикое Поле, родимый простор!
Гей, волюшка — воля степная!
Блюдет вас теперь лишь крылатый дозор,
Над вами под солнцем летая!..

П. Атаманцев.

Инструктор.

Осип Митрофанович Каргин — весьма важное лицо в станице: он занимает должность военного инструктора и, благодаря этому, числится в рядах немногочисленной интеллигенции.

Вахмистр Каргин, среднего роста, плечистый, с шеголеватой военной выправкой, „по форменному“ подтянутый и в „учебные дни“ всегда в новенькой одежде, — станичный Дон-Жуан, предмет вожделений многих местных Мессалин из жалмерок и молодых вдов. Подобная репутация его не раз приводила к весьма недвусмысленным угрозам по адресу Осипа Митрофановича со стороны его благоверной половины: — тол-

стой, сдобной Алены Потаповны, вахмистерши, в полном смысле этого слова. Эти угрозы заключались в искусно-сплетенных бранных посулах и обещаниях побить окна и потаскать современных Мессалин, по выражению ревнивой вахмистерши, „за патлы“.

На все это Осип Митрофанович мало обращал внимания: он слишком был осторожен в своих дон-жуанских похождениях, хитро замечая следы своего „прегрешения“ перед строгою благоверной.

Сегодня Осип Митрофанович находился в весьма щекотливом положении.

Когда он шел по широкой улице к училищному

зданию, где он ежедневно муштровал „потешных“, к нему подбежала молодая вдова Ивана Большакова — Наташка и быстро бросила:

— Што-ж? Способие-то будешь давать, ай нет?.. А то твоей пузатой все расскажу.

Осип Митрофанович испуганно вздрогнул и оглянулся по сторонам: нет-ли кого из посторонних? На его счастье улица была пуста. Тогда он слащаво улыбнулся и, изобразив на своей физиономии нечто вроде удивления и развода руками, обратился изысканно вежливо к дерзкой Мессалине:

— Ната!.. Я вас не узнаю! О каком это способности вы говорите?..

— О каком? — с жаром перебила его Большакова и похлопала себя ладонью по неестественно выпяченному животу.

— А это от кого?.. Думаешь в правление не заявлю? Не-ет, желанный мой! Всей станице разнесу!..

Каргин побледнел и порывисто дышал, не зная, что предпринять. С минуту оба стояли молча. Наконец, несчастный Дон-Жуан овладел собой и, озираясь по сторонам, шепотом проговорил:

— Я к тебе вечером зайду, — обсудим это, что и как!..

— Ну, ладно!.. Только гляди не сбреси, а то ... помни! — пригрозила на прощанье Наташка и шмыгнула в свои ворота.

Это происшествие расстроило благодушное настроение Осипа Митрофановича, и он вошел в училищный двор хмурый и озлобленный. Развязка прошлого романа с Наташкой Каргину не улыбалась. Угрозы ее сообщить о происшедшем Алене Потаповне его больше пугали. Он уже заранее ощущал на своей спине удары чапленника, и в ушах его звенела довольно-таки нелитературная брань разъяренной богоданной.

— Черти меня дернули связаться с этой паскудой, — думал Каргин, подходя к училищному крыльцу.

На крыльце стоял старший учитель, полный господин, маленького роста, и, улыбаясь, о чем-то говорил с станичным иереем, о. Михаилом, благодушным, жизнерадостным человеком, бывшим вахмистром, отцом целого взвода пузатых, здоровых ребятишек.

— А-а!.. Наш военный министр! — приветливо улыбнулся о. Михаил, подбирая широкие рукава рясы и поднимая руку для благословения.

— В военном деле — Бисмарк, в отношении прекрасного Евина рода — сатана во образе змия, а в отношении душеспасительных напитков, аки пустыня — безводная Сахара: поглощает живительную влагу в несоизмеримых количествах, — давясь от смеха, произнес учитель, подмигивая о. Михаилу, благославлявшему Каргина.

— Все мы грешны, Иван Прокофьевич, в этих самых отношениях, — благодушно ответил духовный пастырь, зевая и широко крестясь. — У-а-ах!.. Помни, Господи, царя Давида и всю кротость его!.. Не выпался, кубыть, чудок!.. Говорила мать: сосни, отец, перед занятиями, — не послушался, а оно... У-а-ах!.. зевается!

— Ну, Осип Митрофанович, принимай от меня свою армию! — улыбаясь, ткнул пальцем учитель на толпу казачат, бегавших по двору. — Часок под займешься, да и распускай их, а я пойду к батюшке: он вчера из окружной-то Цымлянского привез, старого.

При этих словах, учитель подмигнул Каргину и, довольный своим намеком, громко расхохотался.

— Да уж пойдем, што-ли! Ведь знаю, что пронюхал уже, — простодушно согласился добряк пастырь, и они вместе с учителем вышли на улицу.

Каргин некоторое время задумчиво смотрел им вслед, потом быстро повернулся на каблуках и залившимся начальническим тоном крикнул:

— Станови-ись!..

Вся разношерстная „потешная“ команда со всех ног бросилась исполнять приказание, толкаясь и щедро рассыпая оплеухи друг другу.

— Смирн-а! — скомандовал Каргин и, взяв руку под козырек, подошел к фронту.

— Здравствуйте, дети-и!

— Здра-жла-м, г-н вахмистр! — закричали дружно казачата во всю силу своих легких, подтягивая от чрезмерного старания животышки.

— Дружней, дружней надо! — крикнул Каргин и пошел по фронту, осматривая свое войско.

— Хоперсков! Сопли утри!.. Разя не знаешь, што фронт — святое место?.. А ты рассопатился, как верблюду калмыцкий!

Хоперсков испуганно бросил взгляд на начальника, шмыгнув носом и, бойко проведя рукавом поддевки под носом, вытаращил снова глазенки на Каргина — „ел глазами начальство“ — по уставу.

— Быкадоров! Ты чевой-то пузо распустил, как мадам при положении?.. Подбери!.. А эта-а што такое? — заглянул вахмистр в заднюю шеренгу. — Эта-а што еще за кадрель?.. А ну, вылазь, вылазь сюда — нехай все поглядят на такую чуду заморскую!

Из задней шеренги бочком вылезла маленькая фигурка в старом широком пиджаке, повидимому с отцовских плеч, потому что он болтался на хозяине, как подрясник; на голове малыша был надвинут калмыцкий треух с огромной какардой.

— Эта откуда такая прелесть? — загремел Каргин. — Што, у моих казаков одежи нету што-ли своей, што сиповские спинжаки надевать стали?.. Срам!..

Маленькая фигурка молча стояла на вытяжку перед мечущим громы и молнии начальником.

— Ну, скажи на милость, Скачков, — откуда ты достал этот ветродуйчик? — превеличечно-ласково заговорил Каргин. — Родитель што-ль твой изволил его носить? А?

— Батяня! — хмуро прогудел Скачков, глядя в землю.

— А скажи, пожалуйста, кто ты такой есть, — продолжал тем же тоном Каргин.

— Казак, — отрубил Скачков.

— А почему ты казак? — не унимался инструктор.

— По казаку Ермаку.

— Да разя Ермак в сиповских спинжаках ходил? — ехидно заметил Каргин.

Казачата фыркнули, но Осип Митрофанович оборвал их веселые грозные окрики: — Цыц!.. В строю не смеяться!..

— Так вот что, мой болочий, — обратился он снова к Скачкову, — иди ты к своему батяне и скажи, што, мол, господин вахмистр не велели мне приходить в училище в чужой одеже!.. Так и скажи! Понял?

Но, неожиданно для всех, Скачков вскрикнул и глухо зарыдал, закрываясь рукавом злополучного „спинжака“.

— Вот так фунт! — изумился Каргин. — Да ты с чевой-то? А?

— Одежи нету, — пробубнил сквозь слезы Скачков. — Батяня.. ко.. корову про.. дал.. брату коня.. на службу на.. надоть.

Осип Митрофанович сочувственно посмотрел на плачущего мальчика и, покачав головой, подумал:

— Так всегда!.. Жрать нечего, одежи, обувки нет, а на службу все свое надоть... чуть что не так — беда!.. Начальство тянет! — Потом неожиданно взял Скачкова за воротник „спинжака“ и, толкнув его к фронту, крикнул:

— Марш в строй, поганец! Завтра-же чтобы не было этого дипломата!..

Осип Митрофанович с тяжелым сердцем пробирался через глухой переулочек к базам Большаковой. Идти по главной улице было опасно: могла встретиться благоверная половина, а такая встреча никак не могла принести пользы Каргину, принимая во внимание угрозы бедовой Наташки Большаковой.

Поэтому Каргин прошел через глухие переулочки, перепрыгнул в знакомом ему месте через высокий плетень и, озираясь по сторонам, пробрался в небольшой старый курень покойного Ивана Большакова, в котором теперь жила только Наташка да старая, глухая свекровь, за которой добросовестно ухаживала молодая вдова.

— Здорово дневали!.. — приветствовал Каргин Наташку, входя в стряпку.

— Слава Богу! — задорно сверкая красивыми черными глазами, отвечала вдова. — Проходите, Осип Митрофанович, садитесь, гостем будете, а водки купите — хозяином будете!

— Да оно, всеконечно, такое дело без полбутылки никак невозможно разобрать, — согласился Каргин, запуская руку в карман широких синих шаровар с алым лампасом.

— Вот!.. Бутылку возьми! — сказал он, подавая Наташке деньги и садясь за стол в переднем углу под старинными, потемневшими от времени, иконами.

Через несколько минут Наташка наливала в пузатые граненые рюмки водку, с усмешкой поглядывая на задумчивого Осипа Митрофановича.

— Ната! Садитесь за компанию. Если о деле говорить...

— Да што-ж тут говорить то?.. Ты виноват, ты и платить будешь, — ехидно бросила Наташка, возясь у печки с сковородкой, на которой шипела яичница.

— Но... позвольте, Ната! Как же это так? — нерешительно заметил Каргин.

— Што „как“? — резко повернулась к нему Месалина. — Ежели не хочешь платить, так и скажи!.. Я уж управу на тебя найду!.. Вся станица узнает.

Каргин тяжело вздохнул и упавшим голосом спросил:

— Сколько хочешь?

Наташка, сдерживая улыбку, торжественно посмотрела на несчастного Дон-Жуана и коротко ответила: — Четвертную!

Каргин попробовал было возразить, но потом махнул рукой и, вынув деньги, подал ей ассигнацию.

— Ну, а теперь можно и погулять, — засмеялась Большакова, пряча деньги за пазуху и протягивая руку к рюмке. Но в это время зазвенели разбитые стекла, и в комнату влетел кусок кирпича.

Каргин побледнел, как полотно, и, схватив фуражку, бросился на двор.

Убегая через базы и оглядываясь, он слышал визгливый крик своей супруги и крепкую сочную брань Наташки. Каргин вздохнул свободнее и перепрыгнул через плетень на улицу.

*****

О. Олесь.

* * *

Не складайте крил журливо,
Не хилить сумних голів:
Хтось могучий полохливо
В темнім лісі затремтів.

Швидко сонце схід запалить,
Позлотить сумні лани.
Швидко Воля камінь звалить,
Встане знову із труни.

І не з помстою, не з гнівом
Піде Воля по ланах,
А з небесно-ніжним співом
І з бальзамом у руках.

І над кожним, хто у полі
Впав поранений в бою,
Вона сумно мимоволі
Схилить голову свою.

Не складайте крил журливо:
Хтось могучий затремтів,
Хтось тікає полохливо
В чорну темряву лісів.

* * *

Відпочину, відпочину
Там в садах, в лісах таємних,
На шовкових крилах тиші
У глибинах забуття.

Ляжу я в зеленій казці,
Вкриюсь ніжним листям мрії,
Покладу надії руку
І на теплій їй засну.

Вітер всі жалі розвіє,
Оджене колючі болі,
Рани подихом остудить,
Звіє сльози з вій моїх.

Так, спочину... а тепер я
Знов іду з хрестом на гору...
Хай плюють мені в обличчя,
Б'ють бичами... хай плюють...

* * *

На небі родилась зоря чарівна —
Як папороть в лісі росквітла...
Вже тисячі років, як згасла вона.
А люде не бачуть ще світла...
Не плач, моє серце...

*****

Бѣлѣшкѣ.

К и ш и к т ъ.

(Окончание)*)

Баджа окончил пить чай и, молитвенно сложив руки, сказал:

— Аршан болок, ця борцок элвэк болок — лусть будет в изобилии чай и борцок¹⁾, а мне же да послужит все это священной пищей!

Ерэл шингирэк — да исполнится доброе пожелание, — сказала почтительно Абуна.

Медленно поднялся, сполоснул рот водой, снял четки с шеи и, перебирая, пошел прочь, шепча: „ом мани бадма хом“²⁾.

*) См. № 8 журнала.

¹⁾ Жареное в масле тесто различной формы.

²⁾ О, пусть благоденствует все сущее на земле.

— Ну ты, Пандя, веди лошадей, едем за арбузами, — захопотал Карпу.

Солнце радостно светило. Жаворонки заливались. Собирала мешки Абуна, тащил хомут Карпу. Нохашка тоже не прочь была поехать. Все было радостно, а не так мрачно, как только что говорил „баджа“. Вот уже запрягли бричку, взяту у соседей-родственников. Пандя уже сидит на козлах, держа вожжи.

— Поедьте, — зовет девушек Карпу, — возьмем нож и хлеб, а там арбузов хватит!

Бадма отказывается, Нохашка из солидарности тоже. На бричку влезла Агана, сел Карпу. Все поднялись с „ширдиков“ и проводили их. Абуна в момент убрала посуду и позвала нас посидеть во флигеле.

— „Зээнэр“ должны проводить время у родни, как им захочется, — ласково говорила девушкам Абуна, глядя их косы.

„Зээнэр“ — значит — дети выданных замуж родственников по роду.

„Нагцанар“ — родственники матери по роду. Такими приходились они девушкам.

С чем сравнить ласку, бесхитростную и бескорыстную любовь милых „нагцанар“? Есть ли что-либо теплее этой любви?

Они пошли в чулан с маленьким окошком, потом в первую половину флигеля с одним окошком и одной постелью, затем в другую половину с тремя окошками, деревянным полом. Здесь были две постели, стол, два стула, над одной постелью „кешик“ — полог, на столе „кюрдэ“, Бурханы. У другой стены между двух окон — зеркало, на котором развешено полотенце с раскрашенными петухами по концам. На полу перед постелью „ширдик“. Девушки бесцеремонно развалились по постелям и играли с Ермаком. Абуна была довольна, она пела ему:

Цугар бяна, цуктан бяна...

Он танцевал. Беззаботно, радостно было. Вдруг тихо вошла Кишиктэ с трубкой в зубах.

— А я пришла таки сюда, хотя „наш человек“ и сердился. Видите, посмотрите, что он со мной сделал?

Она подняла рукава „кюлтэ“. Руки были в синяках. Странно, ее не видели плачущей. Наоборот, лицо ее улыбалось, как будто ей было приятно, что она избитая, бессильная.

Абуна принесла уже остывшие пышки и чай и сочувственно говорила:

— Зачем вы ему отвечаете, зачем не выйдете молча от него, пока его раздражение не пройдет?

— Нет сил терпеть, Абуна.

— Верно, „бава“ выпила и из-за этого началось, — сказала Бадьма.

— Пусть черви будут есть мой язык и нос, если я была пьяна... Ну, и пусть бьет...

Кишиктэ выпила чай, вернула „демя“ со словами „аршан блок, ця борцок элвэк блок“. Затем молитвенно сложила руки, сполоснула рот и сказала:

— Дочь всегда защищает его, а я ведь пью иногда. Это правда, да и он тоже пьет!

Бадьма нахмурилась и вообще хорошее настроение девушек пропало.

О, „хальмак бавга“¹⁾, бессильная и избитая, кто тебя защитит, кто тебя утешит? Ни родовые муки, ни бессонные ночи с больными детьми, ни душевные страхи и горе за них не дало тебе права быть человеком. Горе тебе, Кишиктэ, нет тебе утешения. Лучше бы ты плакала, чем улыбалась своей жалкой улыбкой. Или мало ты страдала, сидя над умирающим сыном-первенцом, или мало тебе принесла горя Бадьма, эта тень, ожидающая смерти?..

Несколько времени сидели молча. Вошла одна „бэре“ — молодайка, тоже родственница.

Ваши уехали за арбузами? — спросила она, поздоровавшись.

— Да, говорят, зрелых очень много. И урожай очень хороший. Мы посеяли целую десятину... Чем бы мне новую гостью угостить? Чай уж холодный. Угощу арбузами...

Абуна полезла под кровать и оттуда выкатила несколько арбузов и дынь. Выбрала самый большой, вытерла его и положила на „джогза“²⁾, принесла нож и сняла „камак“ — крышечку, положила его перед „кюрдэ“³⁾ „деджи“, а потом разрезала на куски. Хотя все были более чем сыты, но вид темно-красного, сочного арбуза с мелкими семечками настолько соблазнительно, что тоже принялись за него.

— Я пришла позвать к себе девочек чай пить, — сказала „бэрэ“.

¹⁾ Калмыцкая женщина.

²⁾ Маленький, низенький столик.

³⁾ Молитвенный цилиндр.

— Сян, сян — это хорошо, — сказала Кишиктэ. Родственников не надо забывать. Пусть они знают, кто им родня. Идите девочки к ним, они вам тоже родня.

После арбуза девушки пошли с „бэрэ“ к ним. Еще не закоптевшая белая войлочная кибитка была дверью обращена на юг и потавлена посреди улицы. В кибитке — обычные постели направо и налево, против двери в глубине — „баран“, сооружение из сундуков, завешенное ковром, со всем приданым молодайки. В кибитке никого не было.

Хозяйка угостила гостей своих конфетами, халвой и русским чаем. Затем подарила по большому шелковому платку. Они были девушкам „нагцанар“, правда, отдаленные. Пришел ее муж, затем старуха, и все они были ласковы, женщины гладили девушкам косы. Они пробыли у них почти целый день. Вернулись затем к Карпу, и Абуна не хотела их пускать, просила ночевать у них. К вечеру вернулись с бахи с арбузами, дынями, подсолнухами, огурцами, тыквами.

Нохашка осталась ночевать, а Бадьму проводили домой.

* * *

Раз вечером Нохашка зашла в дымную калмыцкую кухню Санчира. Кишиктэ сидела у очага и подкладывала под котел с молоком кизеки и покуривала свою трубку. Видно, она думала свою думушку, может быть перед ее приходом и плакала, но ее плачущей никто никогда почти не видел.

— Почему не пойдете на надан¹⁾, девочки? Почему не потанцуете?

— У Бадьмы нет охоты.

Помолчала, затынула трубку так, что послышалось шипение и клочотание.

— Вам бы монашками быть — кюкэн гэлинг болхони окхон бяджи та! А скажи ты мне — вот она, Бадьма, лечится у русских, а вылечится или нет?

— Почем знать, вот же держится, может и вылечится.

— Нет, как пришла эта болезнь от „оросов“, так уж не вылечишь. Недаром наша мать говорила „орос гемь оксен хени цани арга уга“ — не вылечишься от болезни, привитой русскими. Орос — Шар Мангус. Орос норovit взять лучшее у „хальмак“, а его погубить. Мать наша рассказывает и поныне, какие случаи бывали с лучшими хальмаками: или соблазнят креститься, а если не дастся, то найдут еще чем погубить...

— Ну, да это, тетка, сказки! Это, может быть, было давно — раз, два, а потом про всех говорят. Среди оросов есть люди еще добрее наших...

— Нет, не вылечится моя Бадьма...

Сказала, затынула свою воющую трубку. Нохашка молчала.

Была тогда жива мать Кишиктэ. Коренастая, полная, маленького роста старуха с серьезным и добрым выражением некрасивого лица. Она всегда носила темно-красный халат — „кюлтэ“, всегда почти перебирала четки, шепча скороговоркой „ом мани бадма хом, ом мани бадма хом“. На ногах ее хальмак — сапоги из красного сафьяна со странными каблукками и широкими круглыми носками. Через плечо красный „оркомджи“ — лента в знак ее религиозного достоинства. На шее „бу“ с лепным изображением сидящего Будды.

В высшей степени религиозная, до фанатизма преданная обрядам, добрейшее и прямодушное существо — она была украшением дома и привлекала сердца своей незлобностью. Но когда разговор заходил об „оросах“ — русских, лицо ее становилось строгим и она говорила:

— Аюка Хан зярлик болсомин — энэ Шар Мангус манингэ кэзя кэзядэн дархар бяха (Еще Хан Аюка сказал, что Оросы во все времена будут стремиться нас унижить, раздавить).

Когда дети, смеясь, спрашивали ее, в какой это книге сказано, она становилась еще строже и говорила:

¹⁾ Вечеринка.

— Оросин абаасу холаагур евдохатан (Бойтесь соблазнов Оросов), они вас могут погубить. Учитесь у них, но свой „хальмак сеткел“ не теряйте¹⁾.

Подобное настроение передалось и Кишиктэ, которая не имела никакого влияния и власти над своими детьми.

Девушка молча вышла, вспомнив старуху и ее убеждения.

* * *

Как-то утром сидели Нохашка с Бадьмой на балконе и праздно проводили время, рассматривая журнал „Нива“. Через раскрытые окна доносилась возникавшая ссора родителей Бадьмы. Кишиктэ старалась что-то с'язвить, он шипел на нее и строго прикрикивал, как кричат на домашних животных. Бадьма улынулась своей безразличной улыбкой с того света и сказала: „Родители беседуют!“

— Но почему же ты не заступишься за мать?

— Она того вряд ли стоит.

— Но ведь твой отец слишком жесток с ней!

— Он только справедлив. Эти пьющие женщины! Фи, как они безобразны. А мой отец — вроде Петра Великого, он вводит свет, хотя и насильно.

— Хорошо же будет свет, если он однажды выбьет ей глаза!

Ссора за окном становилась настойчивее. Она говорила совсем тихо. Он сиплым голосом кричал все сильнее и сильнее. Нохашке показалось, что доходит до побоев, и она, не выдержав, сорвалась к ним.

Кишиктэ стояла у кровати дочери в ее комнате, в неизменной черной „кюлтэ“ с полоской. Она обратила к вошедшей свое приветливо-улыбающееся лицо с моргающими, смеющимися глазами и сказала:

— Вот посмотри на своего дядю, как он будет мена бить... Он никогда не узнает счастья своих детей... Небо видит, что он делает и каким он притворяется.

— Змея, змея ядовитая! — закричал он.

— Все скажу, — бейте, убейте меня! Вы — злодей и нечистая сила! У вас в крови есть что-то жестокое, русское... Вы — первый притворщик и убийца. Вы...

Она не договорила. Сосновая дощечка длиною в метр и шириной в два пальца свистнула в воздухе и в мгновение со страшной силой опустилась на спину Кишиктэ. В этот же момент Нохашка вскрикнула не своим голосом. Она успела подставить под удар ладонь правой руки. Ладонь наполнилась кровью, в которой выплыл кусок кожи.

В следующий момент Санчир поднял девушку на руки, целовал разбитую руку, божился, что при гневe теряет рассудок и все сваливал на жену. С завязанной рукой вышла она к Бадьме. Та хладнокровно расхаживала и, узнав все, равнодушно сказала:

— Напрасно это!

Немного погодя девушкам подали завтрак на балконе, а после завтрака к крыльцу подкатила тройка лошадей. Санчир ехал на жатву и предложил девушкам покатайся. С собой взяли несколько бутылок кумысу. Выехали в степь, где золотился и переливался зрелый хлеб. Жара немного спала, но пыль, поднимаемая тройкой, обволакивала их. Проехав верст десять, они оказались у громадной скирды, где копошилось человек пятьдесят рабочих, убиравших хлеб Санчира. Недалеко от скирды стояла землянка, где жил один из рабочих, видимо, надсмотрщик. Девушки вошли туда.

Два маленьких окошка были обращены на юг, два — на восток. Мухи жужжали и садились на восковое лицо большого мальчика лет десяти, лежавшего на по-

¹⁾ Калмыцкие чувства или дух.

стели в углу. Перед образом горела лампада. Матери мальчика видно не было, а отец, сухощавый русак с реденькой бородкой, стоял посреди комнаты, держа уздечки и веревки. Он молча указал на мальчика, всхлинул и вышел. Нохашке стало не по себе. Она выбежала вон. Бадьма за ней. Тройка их ожидала. Санчир остался с рабочими. Он строго разговаривал с отцом умирающего мальчика. Поехали по степной дороге дальше. Всю дорогу молчали. У Нохашки горло сжималось от слез и она распустилась. Услышав ее всхлипывание, Бадьма сказала:

— Напрасно, надо смотреть на вещи философски, как „баджа“. Смерть ожидает и бедных и богатых.

Нохашка ничего не ответила.

Только-ли ее безнадежная болезнь довела ее до таких мрачных дум и до такой степени безразличия, до которой она себя довела? Или жестокий характер отца сказался в ней?

Дома Кишиктэ говорила своей двоюродной племяннице:

— Твоя Бадьма вся в отца. Я хочу ее поцеловать — она не дается. Она стыдится меня, за человека не считает. И как она, такая умная, родилась от меня... Для чего же мне моя жизнь, если не могу помочь больной дочери? Она меня презирает, но она не знает, как я ее люблю. Я докажу это и спасу ее от смерти...

— Чем это вы можете ее спасти?

— Есть один такой человек! Он все знает... Но тебе зачем это?

Отвильнула, ничего не сказала.

На следующий день узнали, что сын рабочего умер. Санчир на это мало обратил внимания.

— Какой ужасный человек, — думала Нохашка.

* * *

Прошло два года после того лета. Нохашка к ним не заезжала, с Бадьмой изредка переписывалась. Дошел слух, что Кишиктэ хворала, сохла и умерла в чахотке. Любившая свою тетку Нохашка навела справку, как, отчего умерла Кишиктэ, и вот что узнала.

Тот самый знающий „все“ человек посоветовал ей систематически выпивать утреннюю мокроту дочери, уверяя, что тогда она умрет, а дочь выздоровеет. Ослепленная невежеством и суеверием она поверила ему и взялась погубить себя тайно, чтобы спасти этим свою дочь.

Все это узнали потом.

Суровый деспот, доведший жену до запоя, увлекаемый мыслью перевернуть весь уклад жизни, маститый, злой, безграмотный самородок не сумел вывести невежество и дикость, а, наоборот, с особой силой вогнал в сознание жены ужасные мысли.

А дочь, эта суровая девушка с волею отца и скрытым сердцем, умирая на 21 году своей жизни, может быть захотела материнской ласки, когда хлынула у нее горлом кровь.

И много печали, удивления и разочарования погребла она в сердце своем с того времени, как однажды, вернувшись в родные края, застала вместо худенькой родной матери со смеющимися глазами — высокую, дородную, чужую женщину и стала называть ее „эки“ — т. е. мать.

А великая в своей любви, ничтожная в своем невежестве, родная в своих повериях, с необъятным морем „сяхан сэткел“, неизгладимым временем, любовью своей искупившая грех невежества — „монхогин килинде“ — милая Кишиктэ, выпивая отвратительную жидкость, может быть, улыбалась от счастья самопожертвования...

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Алексей Персидсков.

(Брно).

* * *

Во годах то былб в семисотых,
В месяцах то былб во весенних,
Да во времячко то непутевое,
Да во царствие было во бесовское,
При царе то было, при Антихристе.

Да как зачал тот царь на Дон грамоты слать,
На Дон грамоты слать, казаков ругать:
„Как у вас казаки, сторожбвы полки
По границе стоят да меня хоронят;
Но не любя та мне ваша буйная ширь,
Ваша волюшка — сила казачая,
По степи широкой белоснежный ковыль,
Летом солнце, как угли горячее.
На врагов басурман — чекмари, кистени,
Вас оружие мне знамо достойное,
А в станицах степных курени, курени
Да майданы всегда беспокойные.
И не люб тоже мне ваш порядок донской:
Атаман с золотою насекой,
Непослушный мятежник, зипунник степной
Быть не хочет под нашей опекой,
А еще я слыхал, что бегут к вам воры
От повинностей царских — законных!
Это — беглые — все крепостные рабы
Своих пánов — хозяев исконных,
Не однажды писал и приказывал вам —
Не пускайте-де на Дон разбойных.
Вы не слушали нас, отвечали не раз:
„У вас нету-де вовсе крамольных“,
И наш царский совет вот уж несколько лет
Просит выдать бродяг головами:
Но от вас лишь ответ „С Дона выдачи нет!
Тут слывут у нас все казаками“.

Ну так вот, казаки: снарядил я полки,
Вас заставят, знать, жить по законам,
Уж не будете вы по границе силки
Ночью ставить моим воеводам“.

.....
Это было все в семистых годах
При царе Великом, при Антихристе.

1/X 27.

Константин Поляков.

ВЕСНА.

Пришла десятая весна:
Листою рядятся аллеи,
Все тот же шопот у окна,
Пустые юные затеи...
На час забудешься — опять
Вернешься мысленно к родному...
Но я прикован, я распят
На гранях берега чужого.
Тоскою страсти напоен
Сильней вина весенний воздух,
А я желаньем окрылен
Скрестить мечи, пока не поздно.
Призыв любви и ночи сказ,
Знакомый шаг и шелест платья
Оставим вам. Ну, а для нас —
Глушить винтовками проклятье,
Далекий стон земли родной
Убить раскатами орудий!
Гей! В этот бой, одной стеной —
Иль счастье, или смерть добудем.
Эх! вороной стал белым конь,
А пена, словно хлопья снега, —
И топот вражеских погонь
Я подарю задорным смехом...
На шляхе пыль взметну столбом
И вдоволь с ветром нацелуюсь.
За Тихий Дон, за старый дом
Убью, сожгу, шутя, балуясь.

Б—н.

ПРИЗЫВ КУБАНИ.

Тихо, плавно несет свои волны
Мать родная — казачья Кубань, —
Они горя великого полны:
Край стоптала российская сгань!
Нет богатства былого, раздолья,
Нет уж волюшки — воли былой!
Край Казачий — Казачье Заполье
Стопан вражьєю, грубой ногой.
Стонут, горя великого полны,
Все станицы, рыдает Кубань.
Заплевавши священные волны,
Веселится, злорадствует сгань...
— Гей, сыны многоводной Кубани!
Где вы? Слышите-ль стоны ея?...
Вырви мать, сын, из рук этой рвани!
... Где же?.. Где вы, мои сыновья?..

Российская интеллигенция.

Когда поднимается вопрос о том, что был. Российская империя лишена была элементов органической связи, — противники этой мысли всегда указывают на факт существования российской интеллигенции. Не лишним будет, поэтому, остановиться на вопросах: что же такое российская интеллигенция, из каких элементов она слагалась и какую роль она играла в России?

Как известно, интеллигенция — верх национального здания, ключ национального свода. Это — собрание вождей во всех плоскостях национальной жизни: в религии, в науке, в искусстве и литературе, в общественной и политической жизни, наконец, в технике.

Если взять слово нация в современном значении его, то народ, не создавший своей ин-

теллигенции, еще не национальность, а некое этнографическое собрание людей, не имеющее определенной национальной судьбы в грядущем. Такой народ может, конечно, вырасти со временем в особую национальность, но может войти и в состав какой-либо иной нации, уже существующей или имеющей осуществиться.

Так, когда около тысячи лет тому назад славянские колонисты с севера и запада продвинулись в пределы нынешней великорусской территории, они застали там сплошные массы финского населения, которые не вышли еще из стадии этнографического развития. И потому массы эти, за самыми незначительными исключениями, с течением времени влились в состав новой национальности, получившей потом название великорусской. На западе Европы произошли в прошлом подобные же явления с латинизированными галлами, англизированными кельтами, онемеченными славянами и т. д.

Такие превращения представляются мало вероятными, когда дело идет о народах, уже достигших в развитии своей стадии национального бытия. Но теоретически легко себе представить, — а в далекой от нас истории можно найти и некоторые доказательства этому, — что какая-нибудь нация, насильственно лишенная своей интеллигенции, пожестована в условия, которые не дают ей возможности вырастить ее вновь. Такая национальность должна начать деградировать, опускаясь все ниже и ниже по нисходящим ступеням своего развития. С течением времени она может из нации превратиться в этнографическую массу, с которой можно сделать что угодно, — в национальном значении этих слов.

Императорская Россия на всем протяжении истории своей производила указанный опыт по отношению ко всем национальностям, входившим в состав государства. Система этого опыта получила название обрусения.

Об обрусении вскользь говорилось уже на этом месте. Заданием его было: все национальности империи слить в единую русскую нацию, причем образцом для этой творимой нации был народ великорусский.

Главный удар был направлен на всю инонациональную интеллигенцию. Она обречена была на вымирание, ибо преграждены были все истоки ее: школа на родном языке, как и все публичные проявления национальной жизни.

Целый ряд национальностей и народов провозглашен был просто несуществующим. Украинский язык, напр., находился под запретом, литовцы объявлены были одним из русских племен, принимались даже решительные меры к „располячению“ Польши.

На протяжении многих поколений обрусительная политика проводилась систематически, с методической и неуклонной последовательностью, но результаты ее были не те, которые ожидалось. Рост национальной интеллигенции был действительно замедлен и приостановлен, национальная жизнь народов приостановилась. Но великорусский народ от этого не выиграл ничего.

Обозначившиеся несколько сот лет тому назад его племенные границы на юге и западе остались без изменения.

Широкие народные массы иных национальностей не проявили никакой склонности к обрусению. Обрусительная политика бессильна была создать даже видимость какого-то общеимперского народа, какой-то единой нации. Население империи как было, так и осталось многонациональным, не спаянным и разрозненным.

Общерусской нации не вышло, но в процессе обрусения, из обломков национальной интеллигенции всех народов создан был своеобразный тип общеросса, отчетливо обозначившийся уже в течение XIX ст. Это и была так называемая русская, вернее — российская интеллигенция, кадр субалтерных вождей, руководимых из центра, на обязанности которых лежало проведение имперских и объединительных идей на всем пространстве огромного государства, во всех плоскостях жизни народов.

В качестве священнослужителей и профессоров, литераторов и журналистов, чиновников и военных, купцов и промышленников, инженеров и техников они были разбросаны по всей России. Они были лишены органической связи с какой-либо отдельной областью или с отдельным народом. Им было безразлично, где работать: на Дону, на Кавказе, в Архангельске или в Варшаве, на Украине или в Сибири. Разница могла быть только в материальных и иных выгодах.

Их было немного, этих людей, — последние статистические данные говорят о 3—4% населения, но в их руках был весь государственный аппарат, вся литературная, церковная и научная мощь, все технические и финансовые силы огромной страны. Они чувствовали себя везде своими, но в действительности они были везде чужими. Своими они, пожалуй, были разве только в Петербурге, ибо чужими они в известной мере были даже в Москве.

В начале XIX ст. это была стойкая, монолитная масса, окрашенная в великорусские национальные цвета. Составленная почти исключительно из представителей разнонационального имперского дворянства, она обладала органической внутренней связью с династией даже и тогда, когда отдельные члены ее восставали против того или иного монарха. Александр I, скажем, в национальном и имперском вопросах был даже мягче своего противника (декабриста) Пестеля, а Пушкин и Николай I в этих вопросах не отличимы заметно друг от друга.

С половины XIX ст., когда в ряды российской интеллигенции стали вливаться в большом количестве так наз. разночинцы, — в монолитной ее массе появляются трещины, ее великорусская окраска бледнеет и осыпается. Часть ее вступает даже в открытую борьбу с той государственностью, которая ее породила и без которой ее существование немыслимо.

Процесс этот окончательно выкристаллизовался к началу XX ст., и перед 1917 годом картина была такова: российская интеллигенция, с одной

стороны, достигла вершины своего развития, с другой — стала склоняться к упадку. Она была великолепным цветком, выросшим в теплице обрусительной политики, но нежизнеспособным в нормальных условиях жизни. Рекрутированная из всех народов Российской империи, она не представляла ни одного из них, даже великорусского, языком которого она пользовалась. Она была раскрашенным фасадом невыстроенного здания, блестящим проектом неосуществившейся творимой нации.

Когда в грозе и буре из жизни ушла имперская династия, а с нею и весь военный и бюрократический государственный аппарат, — единственным внешне объединяющим элементом оста-

лась российская интеллигенция. Осознав справедливо себя законным детищем уходящих сил, она сделала попытку стать на их место, завладеть появившимся наследством — Россией. У всех еще в памяти ее трагическая и жалкая борьба за воссоздание безнадежно рассыпавшейся храмины: ни в ком и ни у кого она не встретила поддержки, ибо была чужою всем народам и всем слоям б. России, где на ее место стала своя интеллигенция, может быть не такая блестящая, но органически близкая, выросшая в родной почве, рожденная местной национальной стихией.

Историческая роль российской интеллигенции закончена, новая жизнь творит новые силы.

*****

Т. Стариков.

Митрофан Петрович Богаевский.

Судьба ниспослала Митрофану Петровичу величайший дар — умение превращать свои чувства и мысли в слова и облакать их в ясную, доступную для понимания всех, форму. Красивая, образная и в то же время как будто бы безыскусственная речь его производила на слушателей глубокое впечатление. Умолкало, стихало самое бурное собрание. Как зачарованные, сидели люди и жадно слушали каждое его слово.

На Войсковых Кругах каждая речь М. П. Богаевского была событием. Прямота речи, иногда горькая правда, даже обвинения самих слушателей никого никогда не обижали, наоборот, подкупали и создавали веру в оратора.

— Правда, правда, — шептали со слезами на глазах старики. Особенная мощь и дарование М. П. сказались в его последней речи, в его лебединой песне, сказанной им перед красным гарнизоном г. Новочеркасска накануне своего рессстрела.

Столовая Донского Кадетского Корпуса до отказа набита красными казаками. Здесь собрался почти весь революционный гарнизон г. Новочеркасска. Стоит шум, слышно лусканье семечек, грубые выкрики. Только недавно здесь мирно сидели дисциплинированные кадеты, теперь же стены корпуса являются свидетелями какой-то вакханалии, разнузданности, цинизма, грубости. Топа волнуется, кого то ждут. Вдруг открывается дверь и в столовую входят: командующий революционными войсками Смирнов, Голубов, комиссар Ларин и с ним штатский человек, прибитый, исхудалый...

Гомон мгновенно стихает, вытягиваются головы.

— Где он, где? — несется шопот по залу. Задние ряды встают, некоторые поднимаются на скамьи, чтобы лучше рассмотреть того, кого ввело „начальство“.

Комиссар Ларин просит слова и все свое красноречие пускает в ход с тем, чтобы обрисовать пленника в возможно мрачных красках, выставить его врагом „трудового народа“, и требует беспощадного суда. Слышатся намеки на самосуд.

Грустно слушает речь обвиняемый. Он смотрит в одну точку на полу, по временам поднимает глаза и обводит ими толпу. В них не видно ни страха, ни раскаяния в том, в чем обвиняет его „прокурор“. В глазах светится скорбь.

А Ларин продолжает бичевать. Но когда говорящий дошел до „заслуг“ советской власти перед народом, перед казачеством, — в толпе раздаются крики: „дойлой с трибуны, довольство... знаем“.

Оратор в замешательстве. Неожиданные выкрики сбили его с толку. Голубов, как председатель, пытается установить порядок. Но бесполезно. Крики усиливаются, и Ларин сходит с трибуны, не докончив своей речи.

После него должен выступать „обвиняемый“ — М. П. Богаевский. Голубов не знает еще, как будет принята речь М. П., и предупреждает о „свободе слова“. М. П. поднимается на стол. Все стихает. Но при первых же звуках его голоса, в зале подымается шум.

— Просим на середину, просим на середину!

Уговоры Голубова не помогают. Вопрос решается голосованием. Митрофана Петровича ведут на середину залы и помогают подняться на стол.

С первых же слов он овладевает толпой. Его слушают с напряженным вниманием. Он, как искусный дирижер, легко и свободно стал играть на душах „красных“ казаков, рисовать свои узоры, лепить свои формы. Вся речь преломляется в сознании казаков и воспринимается ими именно так, как хочет этого Донской Златоуст. В этом, вначале враждебно настроенном ему зале, М. П. вырастает уже из подсудимого в грозного судию, страшного не угрозой наказаний, мести, а беспощадной логикой, жестокой правдой. Спесь толпы сбита, непогрешимость ее идей берется под сомнение.

„Я нахожусь под угрозой штыков — говорит оратор, — но меня штыки не испугают“*). Эта смелость вызывает восхищение.

Перед слушателями разворачивается далее широкая картина прошлого Казачества.

„Земли казаков, — говорит оратор, — не царями пожалованы, они не „заслужены“, а своим казачьим потом и кровью заработаны. Казаки завоевали их...“

И вот теперь поднимается вопрос: быть или не быть Казачеству. И этот вопрос встал после того, как Казачество прожило более 400 лет.

Казачество — это вольная дружина, вольный круг.

Государи всегда мешали казакам устроиться так, как они хотели. Они боялись казачьих атаманов, боялись их популярности среди казаков, боялись их силы. Вспомните казнь Петром Великим наших лучших представителей Казачества. Было стремление к самостоятельности. Это достойное исполнение желание было задушено, было залито кровью. Расстреляны и сосланы лучшие силы, цвет казачества, „чтобы не было поводом другим“.

Я не принадлежал ни к какой политической партии, — заявляет М. П., — и не потому, что не хотел принадлежать, а просто все ранее существовавшие программы партий были мне не по душе и я оставался вне партий.

Но вот, наконец, нарождается новая партия — „Казачья партия“ и я, — говорит М. П., — почувствовал, что вот она — моя партия Я нашел ту партию,

*) Цитаты из речи М. П. Богаевского взяты мной из № 1, „Донской Летописи“.

которую раньше не знал. Она всего меня захватила. Я принадлежал ей. Решил работать в развитие ее, не покладая рук“.

Подробно останавливается потом Митрофан Петрович на сделанных казаками ошибках.

Он начинает издали. Переходя к современному моменту М. П. считает, что было ошибкой то, что казачество избрало себе атаманов без участия крестьянского населения области.

Дальнейшей ошибкой М. П. считает — „блок с кадетской партией при выборе в учредительное собрание“. Казаки хотели найти себе сторонников для того, чтобы легче было провести в жизнь казачьи интересы и казачьи желания.

Он указывает на то, что Правительство, А. М. Каледин и он сам проводили в жизнь не свои стремления.

„Мы, говорит он, как ваши выборные делали лишь то, что хотели наши выборщики, делали то, что хотели вы — казаки, а главное ваши отцы-старика. Так, если были ошибки — то это не наши ошибки. Не ошибки буржуазии, ее прихвостней и Богаевского, а ваши и судите за них не нас, ваших выборных, а судите самих себя“.

Эти слова сказанные с большой энергией и искренностью произвели глубокое впечатление на слушателей. Судить оказывается некого, судить можно только себя. И казаки, действительно, чувствовали себя в этот момент виновниками во всем происшедшем на Дону, в разгроме Дона и во всей пролившейся крови Казачьих мучеников: Каледина, Назарова, Волошинова...

Митрофан Петрович подробно излагает всю историю борьбы Дона с большевиками, закончившейся пачетом и выстрелом Каледина.

Перед казаками разворачивается потрясающая картина последних месяцев жизни на Дону. Особенно сильно ощущали слушатели борьбу стариков и фронтовиков и ее тяжелые последствия для Дона.

„Трудовое казачество“, созданное большевиками специально для раскола казаков, начинает терять свой облик казаков. „Казаки, — утверждает М. П., — перестают быть казаками, и казачья программа сама

с собой отпадает. Ведь главная ее сила была в Земле и Казачестве“.

Отсюда вытекла четвертая „и почти главная ошибка — наше правительство поплыло против течения. Войсковое правительство хотело сохранить Дон и Казачество. А сами казаки этого уже не хотели: они перестали быть казаками“.

В этом и заключалась величайшая трагедия Казачества. На Дону получился великий раскол. Дону нужно было пережить власть большевиков, чтобы фронтовики почувствовали всю глубину своей ошибки. Чувствовали ее и те красные казаки, которые слушали Митрофана Петровича.

А он все говорил и говорил, все продолжал рисовать картину за картиной, нанизывать одну мысль на другую, будить совесть, разум слушателей.

„Вы нас выбрали, — восклицает М. П., — вы нам вручили власть, вы дали нам наказ. Его выполняли мы. Сами же вы за нами не пошли, и мы остались одни. Без опоры, без верного Казачеству войска, без силы, без поддержки. Не судите же, не вините нас строго. Помните, что это ваши ошибки. Ошибки всего Казачества привели к тому, что сейчас творится у нас на Дону. Вините и судите самих себя. Судите весь Дон, всех казаков судите“.

3 часа 10 мин. говорил М. П., говорил без умолку, без перерыва.

Кончил. В ответ раздались дружные аплодисменты всех слушавших.

Казаки восторгались речью Митрофана Петровича. „Надо сохранить бору жизнь, не отдать „красной швали“, — говорили они.

Но казаков уже не спросили, они перестали быть хозяевами на Дону. М. П. Богаевский был взят и расстрелян в Балабановской роще близ Нахичевани 1/14 апреля 1918 г.

Слишком велика была фигура Богаевского, слишком велико могло быть его влияние в будущем на казаков, чтобы его можно было оставить жить.

Не уберегли казаки своего баяна...

*****

О. Долинский.

Восток Европы и самоопределение народов.

Восток Европы, как политический термин, начинает завоевывать права гражданства только в послевоенное время. До войны — он почти целиком был вытеснен общепринятым политическим названием — Россия.

Это обстоятельство имело свои глубокие последствия для трактовки вопроса самоопределения восточно-европейских народов, на судьбу и будущее которых не только политика, но и наука смотрели совершенно другими глазами, чем на процесс национального возрождения их коллег в Западной Европе.

Политическое понимание Востока Европы было предопределено отношением к нему науки, прежде всего — географии, для которой этот термин не был чужд.

К сожалению, именно общепринятое географическое понимание восточной части нашего материка — было ошибочно, ибо, не считаясь с его геоморфологической своеобразностью — применяло к нему неподходящие западноевропейские географические критерии и классификационные мерилы*).

*) По этому поводу правильно заметил известный украинский географ — проф. С. Рудницкий (ср. его монографию: *Ukraina: Land und Volk*. 1916): „не моря и горы делят Восток Европы на естественные области и антропо-географические единицы, но морфологические оттенки, гидрографические и климатические границы, почвенные и растительно-географические отношения“.

Правда, ориентироваться в природном лике восточной Европы, — на первый взгляд слишком однообразной в географическом отношении по сравнению с Западной своей сестрой — было не легко.

На это обратил внимание полвека тому назад — П. Драгоманов, один из лучших знатоков восточно-европейской проблемы, уделявший ей много внимания в своей публицистической деятельности и поставивший ее, т. ск., в натуральную величину в интересной своей работе — „историческая Польша и великорусская демократия“, не потерявшей своего политического интереса и значения по сей день.

Он верно предвидел, что „тяжелое понимание“ восточно-европейские земли будут роковым камнем преткновения для нормального развития национальных взаимоотношений на территории покойной царской империи и для правильной оценки политической роли национального вопроса на восток от Днестра и Вислы.

Он правильно предостерегал перед тем, чтобы не смешивать Востока Европы с Россией, верно указывая на то, что первый шире и больше этой последней. Драгоманов предложил довольно верное разделение Востока Европы на естественные области, соотнося географические критерии с национальными**).

** См., напр., интересную его статью: Естественные области и пропаганда социализма — за 1881, книжно опубликованной во II т. парижского издания политических его сочинений 1906.

Но все статьи по этому поводу украинского знаменитого и убежденного пионера восточно-европейского федерализма, были воистину гласом вопиющего в пустыне. Они неизменно разбивались о скалу царского казенного тупоумия; и что более еще печально — к ним глухи были даже демократические круги великорусского народа.

В тени географической науки на Востоке Европы свил себе тепленькое гнездо антинациональный государственный централизм. Был создан и якобы научно обоснован политический миф о том, что, вследствие географической однообразности Востока Европы, там нет места для национальной дифференциации и самоопределения угнетенных и безгосударственных народов, которые, мол, прежде или позже естественным ходом вещей и безболезненно будут ассимилированы господствующего стихию, т. е. великорусскою.

В этих очерках уже упоминалось о том, как в известном труде великого французского ученого А. Леруа-Болье, посвященного изучению царской империи (*L'empire des Tsars ou les Russes*, — эта апокрифическая теория нашла свой научный источник и внешнюю санкцию.

Не будет излишним припомнить здесь основные положения этого французского исследователя и то тем паче, что даже в наше время национальное самоопределение восточно-европейских народов отрицается аргументами из научного арсенала А. Леруа-Болье.

Для него решающим фактором в этом отношении является своеобразный географический детерминизм, а именно, географическое однообразие Востока Европы, или, по его терминологии, — России.

— „Русская земля — говорит он — создана для единства“...; „разнообразие рас и племен в ней, это только историческое наследие“. Из этих предпосылок естественно далее вытекает заключительный его вывод, столь дорогой и милый всем централистам, непримиримым врагам национального самоопределения „плебейских“ и историю забытых народов Востока Европы. — „Все эти народности, — заявляет по этому поводу цитированный французский ученый, — в большинстве случаев слишком слабы, слишком разделены, чтобы могли иметь какие-либо притязания на независимость; они будут ассимилированы благодаря самому прогрессу цивилизации, который повсюду мало благоприятен для малочисленных племен и отдельных языков. Много инородцев, как, напр., финны центральных губерний, или грузины в Закавказьи точно так же преданы царю, как и его московские подданные. Другие-же, как напр. 3 мил. евреев на западной окраине в большинстве случаев равнодушны к национальным делам; еще другие, как 2 мил. эстов и латышей в прибалтийских губерниях имеют своего протектора... 160.000 немцев... в русском правительстве. Немцы прибалтийские и колонисты не имеют стимулов извне и в их интересе остаться подданными того государства, где они, не смотря на свою немногочисленность, — занимают очень привилегированное положение, где они, благодаря своей культуре, своей любви к труду и точности, а также и благодаря своим общественным связям и влиянию при дворе — занимают высокие посты в армии и гражданских учреждениях, так что в этом большом славянском государстве немцы, можно сказать, и по сие время занимают привилегированное положение.

Среди всех этих бесчисленных народов есть только два, которые могли бы иметь притязание создать из себя политические нации, это — поляки и финны. Если бы им были даны права, Россия не должна бы была опасаться разнообразия своего населения; не должна бы была бояться, что кто-либо из завистливых ее соседей хотел бы использовать это ее разнообразие“...

Такой взгляд на будущее русских окраин и инородцев — вскоре стал своего рода каноническим догматом не только официальной науки, но и национальной, вернее говоря — противородческой политики в России.

Нельзя удивляться, что его усвоила и развивала русская географическая наука. Ведь она оказывая великодушную поддержку общепринятой русской историосо-

фии, рассматривающей историю Востока Европы, так бы сказать, вне национально и в политическом аспекте московского государственного центра.

Вполне естественно, что известные русские географы: Краснов и Воейков в своей немецкой работе о России, в географическом отношении делали следующий прогноз относительно будущего русских инородцев:

„Как волны океана медленно подмывают и разрушают берега островов, завоевывая новую сушу, так русский народ завоевывает национальные острова, медленно, но верно ассимилируя их так долго, пока не исчезнет всякий след первобытного их характера...“

Особенно популярным была вышеизложенная ассимиляционная точка зрения на восточно-европейских инородцев, — (понятно, кроме поляков и финнов) в немецкой науке вообще, а в частности в немецкой политической географии, что объясняется чуть ли не идолопоклонническим культом в ней государства, как главного фактора общественно-культурного развития и прогресса человечества.

Еще в 1905 г. — во время первой русской революции — А. Кирхгоф — в очень интересных своих очерках: — к соглашению относительно понятия нация и национальность — (*Zur Verständigung über die Begriffe Nation und Nationalität*) — констатирует стихийный процесс руссификации Востока Европы, особенно среди финно-угорских и туранских племен.

Подчеркивая центростремительную силу экономического фактора, столь важного в жизни государства и не всегда согласованного с национальным самоопределением безгосударственных народов, этот выдающийся немецкий географ, очевидно, солидаризируясь с известным немецким полководцем Мольтке, цитирует следующее его мнение по поводу царской империи, разделяемое, впрочем, многими приверженцами русского государственного централизма:

— „Ни одна часть этой (т. е. царской — О. Д.) империи не может обойтись без остальных; лесобильный север без зерном богатого юга; промышленный центр без них обоих; середина без побережья, без большого общего водного пути — на протяжении 400 миль судоходной Волги. Но еще более, чем это, чувство общности (*Allgemeingefühl*) объединяет все эти — даже наиболее отдаленные части“.

Все это поясняли европейские и русские ученые решающую ролью огромной восточно-европейской равнины, обуславливавшей естественное единство б. русской империи и предопределяющей национальную ее руссификацию в будущем.

Этот прогноз, как показали события после 1905 г. и особенно после большевистского переворота в России — оказался вполне ошибочным, ибо ошибочны научные предпосылки, на которых он обосновывался. Эта методологическая ошибка состояла в том, что Восток Европы был изучаем и объясняем по аналогии с Западной Европой. Но, как правильно заметил гейдельбергский исследователь России — проф. А. Геттнер — в предисловии к своей интересной монографии: — *Russland* — появившейся накануне мартовской революции, — „нет ничего более извращенного, чем простое перенесение западно-европейских понятий и представлений на Россию“.

Это признание у Геттнера тем более ценно, что в общем этот автор находился под сильным влиянием вышеотмеченных взглядов относительно Востока Европы и не чужд симпатий для государственного унитаризма, по скольку это касается России — без ее западных и восточных, главным образом неславянских окраин (кроме, разумеется, Польши). Даже в этой его работе можно найти следующее положение, парафразирующее вышецитированную выдержку из труда Л. Леруа-Болье:

„Разделение и распространение народов (России — О. Д.) является, таким образом, результатом исторического развития, состоящего в уничтожении малых народов и в прибывающем распространении русского народа“.

Д-р С. Федоров.

Социальные факторы и образование народности.

(Из цикла „Записки самостийника“).

На образование новой народности оказывают влияние социальные факторы в их наиболее широком объеме, как природно-естественные — почва, климат, жилища, так и моральные и духовные отношения.

Судьбе угодно было сделать центром первоначальной казачьей жизни большие реки и приморские плавни, что внесло свой отпечаток в казачий характер.

Более или менее постоянные места оседлости казачьего люда — все эти городки, сичи, станицы — всегда были расположены в наиболее безопасных местах, главным образом на островах, окруженных со всех сторон водою и непроходимыми болотами, на высоких скалистых кручах, опять таки у воды, которая, по крайней мере в половодье, представляла надежную охрану.

Таковыми были поселения, Запорожцев по их плавням, так же было и у Донцов, Яицких, Гребенских, Терских и старых Кубанских казаков. Донские станицы только в половине XVIII в. начали выселяться на высокий берег и отходить от воды, до этого же времени почти все казачьи центры находились на островах или в плавнях — знаменитый „Казачий Остров“ на донском низу, одноименный у Кубанцев — по р. Кубани ниже Копыла, Хортица Запорожцев и т. п.

Жизнь у воды беспрестанно развивает население побережья; из него создается типичный народ — колонизаторов, открывателей неизвестных стран, пиратов, купцов, победителей, организаторов побежденного населения и покоренных территорий.

Исторические свидетельства говорят нам о многочисленных судах „русов“, бороздивших воды Волги во время Золотой Орды, о более ранних больших морских походах прибрежной Руси, о владычестве Казачества в XVI — XVII столетиях на море и Великих Реках — Волге, Дону, Днепре.

На чувстве общественной солидарности и вследствие развития индивидуализма, требовавшего личной свободы, у жителей побережий возникают демократизм и стремление к независимости.

Но, кроме того, побережье и острова вообще благоприятствуют существованию союзных, но независимых общин.

Мы видим этот процесс не только в образовании отдельных союзных, но самостоятельных казачьих Войск: Запорожского, Донского, Яицкого, Терского, Кубанского (старого) и ряда Сибирских, владевших обширными землями по берегам морей и Великих Рек, но и у Руси северной — в Новгородской, Псковской и Вятской Землях — республиках.

Процесс этот, так ярко проявившийся у старинного казачества, является общим для всего человечества.

То же самое явление открывает нам история Верхнедонского и Донецкого Казачества, которые относительно продолжительное время сохраняли мелко-станичную (групповую) организацию, независимую от сложившихся уже на Низах больших казачьих образований.

У такого населения возникает определенное чувство обязанностей и своеобразного рыцарства. Чувство это является продуктом непрерывной дифференциации индивидуумов в борьбе за данные условия существования и против них: появляются свои мораль и нравы, которые переходят в определенные обычаи, свято соблюдаемые при всех условиях.

Тяжелые условия существования этих воинственно-промышленных групп устанавливают определенные требования общественной чести, и мы знаем, как жестоко карало старое казачество нарушение их. Неподача товарищу выручки, оставление его в беде, кража, убийство, причинение телесных повреждений, отказ от несения выборных обязанностей и т. д. — считались в казачьей среде тягчайшими проступками.

Как характерный пример своеобразной чести, мы имеем у старого казачества — рыцарское отношение к противнику, отпуск военнопленных после определенного времени пребывания их в неволе, с предоставлением им выбора: оставаться навсегда в Войске равноправными гражданами, или свободного ухода. Мы знаем и о наличии своеобразного „табу“, державшегося еще в конце XVIII в., когда при постоянной, непрерывной борьбе азовцев с донцами и запорожцами, даже в моменты жесточайших войн, оставались неприкосновенными принадлежащие неприятелю стога сена, сметанные в степях на зиму для корма скота.

К таким же проявлениям относилось, например, заключение запорожцами самостоятельного перемирия с Крымскими татарами, во время войны Москвы с ними, и впуск на запорожские земли татар, пострадавших от недорода и засухи.

Общественная этика подобных общин и народов — чрезвычайно строга; нарушение ее, при полной свободе вступления и выхода из общества, жестоко карается. Казачье правосудие находило изменников и нарушителей установившихся обычаев далеко за границами Войск.

Параллельно с этим закрепляется понимание необходимости беспрекословного подчинения воле избранного начальника в случае, если он придерживается этих неписанных предписаний; в то же время каждому индивидууму предоставляется полная свобода в личных отношениях, не имеющих публично-правового характера в таких общинах — государствах.

Явление это — общего характера, свойственное многим племенам и народам, но оно особенно ярко наблюдалось у нашего Вольного Казачества.

Не только побережье, но и широкие степи, воспитывавшие народы номадов — кочевников, в большой мере оказали влияние на формирование казачьего типа.

Степь была пристанищем кочевников — скотоводов, образ жизни которых сильно отличался от жизни оседлого люда.

Антагонизм между кочевниками и оседлым народом существовал во все времена; общий язык, религия, происхождение — не играли при этом значения, — они несколько не уменьшали враждебности двух мирозерцаний.

То же самое мы видим и на протяжении всей жизни Вольного Казачества — непрестанная борьба оседлого мира со степью, борьба плуга с „щаблей“ степняка — казака.

Борьба этих интересов на казачьих степях имеет вековую традицию.

В период упадка Киевской державы и формирования Московской государственности, русское племя степей — „бродники“ ведут почти целиком кочевой образ жизни номадов и вместе с кочевниками являются страшным оседлому населению. В то же время полеводство становится главным занятием украинно-русского и московского люда.

Те же самые отношения переходят и на Вольное Казачество.

Со времени объединения мелких казачьих общин в Войска — республики, занятие земледелием на казачьих территориях предоставляется исключительно „підданцям“ или поселенцам, податному сословию, не являющемуся полноправными гражданами республик.

Наклонности же среди отдельных казаков к хлебопашеству строго осуждаются; такое отношение сохраняется на весьма долгие времена — далеко за Петровский период.

Казаки Запорожской и Донской республик не раз берутся за оружие и, опасаясь этот сыроземной силы, очищают свои границы от пришельцев-хлеборобов.

Даже в 80-х годах XVII в. нижне-донское казачество, прослышав, что „наверху“ начинают заниматься

хлеборобством, посылает туда грамоту Войскового Круга с запрещением пахоты, угрожая лишить ослушников права суда, т. е. поставить их в положение „вне закона“, правда, не без участия в этом московского правительства. У донцов смертная казнь за занятие хлебопашеством была уничтожена только в 1690-х годах.

Кошевые атаманы Сечи не раз высылают вооруженные отряды разрушать поселения хлеборобов; это же делается и на Дону, а в Сечи повторяется и во второй половине XVIII в.

И прошлое кубанских черноморцев показывает нам нелюбовь бывших запорожцев к оседлой жизни.

Степь создает культуру во многом отличную от культуры лесистых местностей, а потому естественным является и различие характера казаков от характера других народов, в частности от остального славянского населения Востока Европы.

На образование характера казачества влияло не только значительное присутствие в его крови тюрк-татарской крови, но и жизнь в широких степях и на привольных водах, точно так же, как на характер великороссов — не только примесь финской крови, но и постоянная жизнь великороссов среди лесов и болот.

Казачество имело много общих черт с кочевниками Средней Азии.

Займствование казачеством, вернее его предками, военного строя и тактики степных обитателей относится к весьма древним временам, — Казачество при переправах через большие реки применяет скифский, а позже — татарский способ камышевых плотов, привязываемых к хвостам лошадей; знаменитые казачьи „таборы“ из возов для обороны от внезапных нападений в поле знакомы еще из военной тактики скифов; позже они были преобразованы в подвижные „возы“ великим чешским полководцем Яном Жижкой, который, во время своей военной службы на Литве, часто имел дело с казаками. Наконец, в 40-х годах XVII ст., под Азовом, казачество применяет скифский способ скрывания под водою с полой камышиной во рту, служащей для дыхания.

Уже в 60-х годах XIII ст. в войсках князя Даниила Галицкого, при его походах в Европу, появляются степняки — русы, в татарских доспехах, ведущие бой по-татарски, а столетием позже, в Куликовской битве сражаются приведенные с днепровского Низа 7000 воинов, применяющих татарскую тактику маневрирования, удивлявшую тогда европейцев.

Принято думать, что воинственность современного нам казачества искусственно вызвана царским правительством, желавшим иметь в своем распоряжении вооруженный народ. Однако, это неправильно, ибо воинственность лежит в самой природе казака, унаследована им от предков и перенята от непосредственных соседей.

Линейцы создали легкую, сильную и стремительную конницу, которая имела перевес даже над горской. Основные приемы войны, одежда, кавалерийская выправка, даже характер вооружения — все это казак перенял от черкеса, — писал Ф. А. Щербина в истории Куб. Войска.

Старое Вольное Казачество соединяло в себе все роды войск. В старину наиболее славной известностью пользовались казачий флот, инженерное искусство, а также казачья пехота, приспособленная и для роли морской пехоты. Слава конницы — продукт позднейшего времени. Казачество само развивало и совершенствовало военное дело в зависимости от требований времени и обстановки.

Главной причиной его воинственности, как и вообще самих войн, везде и всюду в то время была потребность жить и кормиться.

Воинственность упоминаемых народов и племен часто, кроме мужчин, распространяется на женщин и детей.

В случае когда человек принужден жить только охотой, он с детских лет начинает привыкать к искусству выслеживать человека или зверя — это для него является вопросом жизни и смерти.

Немногочисленный народ допускает участие женщин в войне; у некоторых африканских племен и теперь, в войнах, принимают участие женщины и дети — они становятся за фронтом и помогают воинам так же, как в свое время, женщины и дети помогали горцам Кавказа при обороне аулов, а казаки — при обороне городков.

В истории Казачества часто встречаются случаи проявления необычайной храбрости и находчивости со стороны женщин и детей, иногда проявляемой непосредственно, иногда во второстепенных ролях. Особо яркие случаи знаем в истории обороны Азова донцами и запорожцами, и в период Кавказских войн. В частности, всецело женское дело — героическая успешная оборона станицы Наурской против многотысячных скопищ противника.

Созданный жизнью казаче-племенной дух сказывался в народе — маленькие казачьи общины творили великие дела даже там, где большие государства были беспомощными.

В то время, когда московские князья, бессильные в борьбе с татарами, жертвуя своим самолюбием и достоинством, на коленах, в ногах ханских вымаливали себе и своим подданным милостей, казаки живут и развиваются самостоятельно, не прося ни у кого помощи. Вскоре потом московские цари, и после „свержения“ татарского ига посылающие „упоминки“ ханам — ту же дань, только под другим названием, клеймят казачество „ворами“ и разбойниками.

Ценно упомянуть о том случае, когда громадное московское войско, не решаясь вступить в бой, гремело из-за реки из своей многочисленной легкой и тяжелой артиллерии и все же бежало от татар в 1480 г., когда замерзла река между противниками.

У подданных Москвы не хватило решимости сбросить с себя иго. Правда и татары бежали в страхе перед возможным наступлением, а в то же время кучка казаков уничтожает на донском Низу эту татарскую рать и воинскую мощь бегущего хана, а он сам, укравшись у генуэзцев, погибает от отравы.

Ермак с немногочисленным войском завоевывает целое царство и держит его в своих руках.

Потомки 600 енисейских казаков столетиями управляют сибирскими инородцами не только оружием, но и мудрой политикой.

Запорожье дает толчок и организует великое украинское казачество в державу Богдана Хмельницкого.

По-русски обыкновенный „бунтарь“ Разин, с 6000 казаков полтора года царит на Каспии и держит в руках целую Персию...

Не имея „великих“ полководцев, казаки почти всегда оставались победителями, овладевали обширными территориями, гораздо большими, чем было само московское царство, и обороняли их сами же, не прося помощи, а часто и отказываясь от нее.

Каждый казак, как об этом свидетельствуют старинные описания, отлично совмещал в себе несколько качеств и специальностей воина. Все они были „атаманы — молодцы“, ибо каждый казак в любой момент мог быть избранным вождем и большинство их было на это способными — школа жизни, в которой казаки действовали самостоятельно, воюя добровольно, выковылаивала из них прекрасный известный нам тип воина-гражданина.

Тем не менее, военная наука, изучающая битвы чужих и древних, даже диких варварских народов, никогда не доставила себе труда разобрать и изучить казака и войны казачества; она не интересовалась его духовною силою и умением побеждать многочисленного противника.

Вообще предполагают, что казак — природный конник, воин-номад, в то время как казак был воином универсальным: крепкий в пешем бою, при обороне и наступлении, он умел хорошо владеть и артиллерией, знал в совершенстве фортификационное дело, славился минным и подрывным искусством, когда нужно было —

садился на коня и проделывал далекие походы, при нужде был добрым мореходцем.

Конница начинает брать перевес в казачестве только в императорский период, когда была уничтожена казачья флотилия и ограничена артиллерия. В этот период российские военачальники желали использовать только это казачье приращенное качество конника, по свидетельству военных авторитетов, казачья конница, при умелом ее использовании, была незаме-

нимым материалом, не имевшим равного в целом свете.

Об этом мы имеем свидетельства времен Миниха, Суворова, Платова; да и совсем недавно, во время борьбы с РСФСР, казачья тактика, более или менее приглушенная имперскими воинскими уставами, снова вынырнула на свет Божий, проявляясь в рассудительности, осторожности, желании обойти врага и победить больше хитростью, чем прямой силой.

*****

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

IV.

Право Войска Донского на лесные угодья было ограничено законом, изданным Петром I в нач. XVIII ст. В 1704 году, грамотой 15 марта, установлено ограниченное право пользования лесом для Войска, как целого, и определен район пользования: — „указали для городских и обрубных и постовых в Черкасском и иных городках починок и для хоромного строения, не на продажу, всякой лес рубить и на нужды свои возить в указанных местах, а именно: выше по Дону реке от Донецкого по обоим сторонам той реки“.

В 1739 году (грам. 22 янв.) было отклонено ходатайство Войска Донского о разрешении рубить лес в Пятиизбянском юрту для починок и достройки полисадника около Черкаска и запрещено чинить препятствия в рубке леса по Дону и Донцу для нужд кр. Св. Анны и Азова.

В сороковых годах XVIII ст. возник спор из-за лесных угодий, принадлежащих Войску Донскому, с Соляной конторой в Бахмутской провинции. Контора возбудила ходатайство о разрешении пользоваться строевым и дровяным лесом для нужд солеварен и жителей в Леонтьевых и Глухих боераках. По этому поводу был издан закон (грамота от 26 янв. 1748 года), разрешавший рубку леса в указанных лесных дачах исключительно для постройки корыт в солеварнях „и то без излишества“ и запрещающий пользование лесом в иных целях без позволения Войска.

Леса в Леонтьевых и Сухих боераках были предметом рассмотрения Сената, который решил дело в пользу Войска (грам. 9 февр. 1748 г.). Из этой грамоты также видно, что Войско просило разрешение на пользование лесами выше Лугани в юртах Тепленском, Староайдарском, Трехизбянском, Краснянском, Сухоревском, но „в рубке оного (что потребно к корабельному строению) от Правит. Сената позволения не учинено“.

В 1765 году (грам. 31 дек.) был издан закон о заповедных лесах Войска Донского, разрешавший отпуск леса в исключительных случаях (ветхость построек, уничтожение пожаром и под.) по ходатайствам заинтересованных лиц с выдачей от канцелярии или станичного общества особых билетов.

Лесное хозяйство к концу описываемого периода было в следующем состоянии.

Вся лесная площадь на территории Войска Донского составляла 421291 дес.; из них 102553 дес. строевого леса и 318738 дес. дровяного и кустарников.

Лес делился на 4 категории — казенный (лучший лес в Леонтьевых боераках), войсковой — на войсковых землях, станичный — на землях станичных юртов, и лес на землях, находившихся во владении донских чиновников.

Планомерного лесного хозяйства не было. Вся работа по лесоустройству ограничивалась запрещением рубки известных участков на 25—30 лет, где лес рос без всякого присмотра. В результате лесной поросль заглужалась валежником и сухостоем, на низменных местах засорялся и заносился песком и илом. В тридцатых годах XIX ст. войсковые леса были обращены в неприкосновенные; из них было разрешено пользовать-

ся только валежником для дров. Станичные леса, в зависимости от величины площади, или были обращены в неприкосновенные на определенное число лет (большие площади), или (меньшие площади) оставлены для удовлетворения текущих потребностей казаков — дрова, изгородь, мелкие сельско-хозяйственные постройки.

Рыбная ловля — древнейший промысел донских казаков, и право на рыбные угодья в низовьях Дона и Азовском море есть исконное право Донского Войска.

„Перемены, коим подвержены были судьбы Азова, переходившего от России под власть Порты и обратно, не изменяли обладаний казаков рыбными ловлями“ — говорил В. Д. Сухоруков в своем труде „Статистическое описание З. В. Д.“. Казаки считали Дон своим, и никакие препятствия со стороны турок не могли удержать их от владения этой рекой. Попытки со стороны местных представителей российской власти ограничить права казаков на рыбные ловли в низовьях Дона и Азовском море встречали с их стороны энергичное противодействие.

Борьба Донских казаков за это право упорно велась на протяжении всего второго периода.

Первые столкновения казаков из-за рыбных ловель были с гарнизонами российских крепостей, построивших на юге после завоевания Азова. Коменданты крепостей пытались завладеть рыбными промыслами в низовьях р. Дона (гирлах), т. е. на самом богатом рыбоулке Дона.

Петр I грамотами от 18 февр. и 2 мая 1703 г. разрешил спор казаков с азовскими жителями. Первой грамотой было позволение казакам „рыбу про свой обиход ловить в Дону и в иных тамошних реках, против прежнего“, за исключением 14 верстной полосы (от Азова вверх по Дону на 10 верст и вниз на 4 вер.), которая была предназначена для жителей г. Азова и зимовых солдат. Вторая грамота предоставляла донским казакам право рыбной ловли на Дону до взморья обща с азовскими жителями.

С 1713 по 1738 год устья р. Дона находились под властью турок, и законы о рыбных ловлях, изданные Петром I, утратили свою силу.

По завоевании Азова, спор казаков о рыбных ловлях возобновился снова.

В конце 1737 года Войско Донское возбудило ходатайство о подтверждении его прав на рыбные ловли в низовьях р. Дона, Мертвом Донце, в гирлах и Азовском море, и об ограждении этих прав от посягательств со стороны азовских и других жителей.

Грамотой от 5 марта 1738 года было повелено: „в реке Доне и Мертвом Донце и в гирлах и в самом море в рыбной и в степях звериной ловлях Войску Донскому позволение дать, а посторонним откуп оставить“, — с соблюдением 2-х условий — не запирает морских гирл и не воспрещать рыбную ловлю азовским жителям для собственного пропитания и довольствия крепостного гарнизона.

Вскоре после этого (1743) возник общий спор между Донским и Запорожским Войсками о границах и в

частности о праве на рыбные и звериные ловли. Обе стороны долгое время оспаривали каждая свое право на рыбные ловли, и в 1746 году (грамота Елиз. I от 12 мая) спор был решен установлением границы между обоими Войсками по р. Калмиусу. Этим было признано за Донским Войском право на рыбные ловли в Азовском море и гирлах р. Дона, т. е. подтверждено исконное право Войска на рыбные угодья.

В семидесятых годах XVIII ст., в связи с основанием крепости Св. Дмитрия, возник вопрос о рыбных ловлях в низовьях Дона и гирлах. К этому времени в низовьях Дона было построено много рыбных заводов, принадлежащих казакам. Часть этих заводов попадала в район будущей крепости, поэтому Войско возбуждало ходатайство об оставлении заводов за ним. В 1768 г. 20 дек. Военной коллегией было разрешено всем крепостным жителям и гарнизону для собственного пропитания производить рыбную ловлю только в дачах согласно плану крепости (около 5 верст по Дону), не касаясь дач Войска Донского, — при чем было запрещено ловить рыбу крючками и перегораживать Дон сетями и вентерями.

В 1769 г. (Указ 9 сент.) Азовская и Таганрогская крепости были включены в состав крепостей государственных с разграничением их от Войска Донского и установлением районов рыбных ловель для них с целью пропитания — Азову вверх и вниз по Дону по 2 версты (4 вер.), а Таганрогу по берегу моря к Черкаску на 5 верст, а по западному берегу на 10 вер., до Петрушинской косы включительно.

Законом не были довольны коменданты крепостей и ходатайствовали об изменении его в смысле расширения районов, а Войско Донское отпиской своей ссылалось на прежний закон 1738 года (грамота Елизаветы I) и право захватное, по которому оно (Войско) владело Кагальницким кутом (м. устьями рр. Дона и Кагальника) до 1762, когда прекратило там рыбный промысел в силу мирного договора с Турцией. В результате этих споров закон был изменен в отношении кр. Таганрога увеличением береговой полосы от Петрушинской косы до Санбецкой.

В 1771 году Войско послало отписку на неправильные действия в отношении рыбных ловель комендантов крепостей Азова и Таганрога. Таганрогский комендант построил собственные рыбные заводы на Петрушинской и Золотой косах и разрешил рыбный промысел кушам и иным жителям крепости на Санбецкой и Меновской косах, чем очень стеснил казаков. Грамотой от 10 апр. 1771 года было приказано вольных людей с крепостных и донских мест согнать, заводы уничтожить, а рыбный промысел на откуп никому не отдавать, добыч Войска Донского не касаться и никаких запретов ему не чинить. Азовский комендант отдал на откуп Кагальницкий кут и Гниловскую тоню разным купцам. По этому поводу упомянутой грамотой предписывалось откупщиков сослать, вентерные ставки снять „и впредь в обиду Войска Донского никому из посторонних рыбных ловель на откуп не отдавать и не допускать, а по р. Дону вентерными ставками запоров не чинить и крючья не метать“.

Грамотой от 10 июня 1771 года была вновь подтверждена граница рыбных ловель кр. Таганрога р.

Санбек, а Санбецкую косу, для свободного прохода рыбы в гирла Дона, оставить свободной „и рыбной ловли там никому не иметь“.

Грамотами от 27 мая 1793 г. Екатерины II и от 6 авг. 1811 г. и 19 ноября 1817 г. Александра I были снова подтверждены права Донского Войска на рыбные угодья, „на которые казаки с давнего времени простирали свои права“.

В конце XVIII ст. в низовьях Дона основались целые селения, принадлежавшие частью донским чиновникам, частью б. крепостям. Незаконность их поселения, вопреки исконным правам Войска Донского на низовья Дона, и хищническое ведение ими рыбного промысла заставили Войско снова обратиться с жалобами в Правительствующий Сенат на жителей Кагальницкой слободы, кр. Св. Дмитрия, Азова, Нахичевани. По этому поводу указом Пр. Сената от 8 апр. 1801 года разрешалась рыбная ловля в местах, по документам означенным поселениям и крепостям принадлежащих, а также в Азовском море, на местах не запрещенных, всякому желающему. „В местах же, Войском Донским владеемых, никакими снастями рыбной ловли не производить“.

Споры и столкновения казаков с иногородними жителями Рост. у. Екат. губ. в XIX веке снова возобновились. Донское Войско вновь начало настаивать на своих правах. Дело тянулось больше 10 лет, в нем приняты участие Херсонский ген. губ., Военное министерство, Министерство финансов и Войско Донское. 20 февраля 1819 года последовал указ Прав. Сената, которым за Войском Донским были признаны и подтверждены его старые права на рыбные угодья и промысел в Дону, гирлах и самом море, с соблюдением условия не закрывать входов в гирла со стороны моря. Кагальницким и другим жителям на косах близ гирл, „чтобы рыба не пужалась“, лову не производить, „но быть оному отдалась от сих протоков в сторону“. Жителям Азова, кр. Св. Дмитрия и пр. разрешен был лов рыбы для собственного продовольствия, а не для торговли „не иначе как сетями и мелкими снастями с них делающимися, что распространить и на поселян Кагальницких“.

Упорядочение самого рыбного промысла на Дону и Азовском море началось с половины XVIII ст. В 1745 и 1762 г. г. предписаниями Военной коллегии были учреждены охранные заставы наблюдавшие за тем, чтобы ловля рыбы в Дону производилась снастями установленных размеров, и чтобы не перегораживали реку сетями от берега до берега. Охранные правила были расширены в 1766 г. запретом ловли рыбы в гирлах вентерями и неводами, всякой ловли на косах близ гирл и вообще ловли крючковыми снастями.

Более подробные правила, касающиеся ловли рыбы были изданы в 1816 году, когда были учреждены и смешанные охранные команды от Войска Донского и Екатеринославской губ.

В 1819 году, в связи с разрешением спора о правах Войска Донского на рыбные угодья, были установлены подробные правила и ограничения, касающиеся самой ловли (размер и формы рыболовных снастей для ловли в Дону, в море; запрещение употреблять крючковые снасти, перегораживать вентерями Дон зимой).

*****

Шамба Балинов.

Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.

(Продолжение)*).

Одежда всех членов семьи шилась исключительно женщинами. Из овечьей шкуры шились по тому времени красивые шубы, полушубки; из шкуры молодого жеребенка шились разные платья: „даха“,¹⁾ шаровары,

шапки и т. д.; из тех же шкур выделывали кожу и шили для всей семьи „калмыцкие“ сапоги. Нитки и дратву заменяла „шёрвэсэн“ — высушенные и скрученные сухожилия животных.

Каждому мужчине требовался знаменитый калмыцкий аркан из конского хвоста и гривы. Сколько внимания и старания вкладывали в это дело калмычки!

*) См. № 8 журнала.

¹⁾ Род мундира.

Умение плести хороший, скользкий, крепкий и в то же время легкий аркан считалось одним из важных положительных достоинств женщины. При всем их старании, не всем женщинам удавалось это искусство, а те немногие счастливицы, которые успевали в этом, славились далеко, и сплетенный ими аркан ценился дорого.

Вообще достоинство женщины калмыки определяли не столько внешней красотой и привлекательностью, сколько их умением работать — „улэрни“: если девушка умеет выделывать различные кожи, делать из них различные предметы домашнего хозяйства, шить соответствующие одежды, обувь; если умеет выделывать полости, ткать, прясти „хошлонг“, „дэсэн“; быстро и умело строить и разбивать кибитку; если к этому еще умеет плести аркан, — то она, по тогдашнему понятию, отличная невеста.

Кроме этих, так сказать, основных работ, на плечах калмычки лежало бесконечное множество повседневных домашних забот. Нужно было ежедневно — утром и вечером — выдаивать несколько коров, кобыл, распределять по назначению молоко, делать из него соответствующие напитки, готовить для всей семьи пищу, утром и вечером „курить“ арьки, ходить собирать топливо, готовить зимний запас пищи: сушить и солить мясо, сушить и тщательно хранить „адам“¹⁾, сбивать необходимое количество масла на зиму и т. д. и т. п. В довершение всего, — ухаживать за детьми (каков должен был быть уход при таких условиях?). Разве можно перечислить все то, что должна была делать и делала калмычка?

Между бесконечным множеством разнообразной работы ей иногда, после обеда, удается урвать свободную минутку и она спешит в свою „черную“ кибитку со страстным желанием посидеть в тени, дать отдых усталым ногам... Но и это ей не всегда удается: вдруг, смотришь — по беспредельной степи беспечно скачет, измеряющий расстояние „от кургана до кургана“, старший брат — „кёкшин-аха“. Вот он уже подскочил к „тередней“ кибитке. Ничего не поделаешь, надо итти „идэ-чигэ“ подносить — угощать, ибо пренебречь путником большой позор для калмыков. Очень часто приходится ей подносить напиток с песней, потому что капризный „кёкшин-аха“ может сказать, что „с песней и напиток бывает слаще“.

А вечером доить все тех же коров, распределять молоко, готовить всем ужин, накормить и укладывать всех спать, накрыть на ночь огонь (чтобы „очаг не потух“) и только тогда, поздней ночью, идти в свою „черную“ кибитку с тем, чтобы с первыми петухами встать и снова приниматься за тяжелый трудовой день. Можно спорить, насколько производительен был ее труд, но она с раннего утра и до позднего вечера без отдыха и передышки трудилась и маялась. Так изо дня в день.

Несмотря на такой тяжелый рабочий день, она часто жертвовала своей короткой ночью для того, чтобы послушать певцов исторических былин. Среди калмыков того времени пользовались большой славой так называемые „джангарчи“ — певцы героической калмыцкой поэмы „Джангар“ и сказатели исторических легенд. Таких хороших „джангарчи“ и сказателей было немного и они были приглашаемы издалека в хотон. Чтобы послушать такого певца, в просторной кибитке „до отказа“ набивалась публика и, при тусклом свете лучины, не шевелясь и не смыкая глаз, с вечера до утра просиживала, жадно внимая словам певца.

В такую кибитку, после окончания своей дневной работы, поздно вечером робко входила „бэрэ“ — молодая и, стараясь быть незамеченной, тихо садилась у дверей.

Любой профессор позавидовал бы вниманию такой аудитории! Как живо она переживала под заунывный мотив передаваемое героическое прошлое своего народа. Глаза то зажигаются огнем восторга и радости, то наполняются горькими слезами. В трагических местах раздается глубокий стон с трудом сдерживаемых

рыданий всей аудитории. Особенно живо реагировала женская половина ее.

И то, как активно калмычка переживала пение героического прошлого своего народа, как чутко воспринимала сказание красивой легенды, служило ярким показателем того, что душа ее не удовлетворена той повседневной работой, тем положением в семье, той ролью в жизни, какую определила ей окружающая среда, условия патриархальной жизни, быт, традиция. И она мучительно тосковала о чем то большем, возвышенном, общечеловеческом... Но не было возможности, надо было примириться с суровой действительностью.

О физическом ее здоровье мало кто заботился. О так ей необходимой медицинской помощи в современном смысле слова тогда не было и помину. Докторов заменяли знахари, шептунны, которым на помощь приходил прекрасный, здоровый, степной воздух.

Сколько невыносимых страданий переносили калмычки-роженицы! Сколько молодых, полных сил жизней нашло преждевременную могилу от „сердечной“ помощи при родах всезнаек-бабушек, каковая в большинстве случаев состояла в сильном давлении снаружи в область живота. И когда несчастная роженица от такой первобытной помощи впадала в обморок, то звонкой, сильной пощечиной, или другими не менее радикальными средствами ее приводили в сознание. Если и это радикальное „медицинское“ средство не помогало, то бедные старухи взывали к Всемогущему Богу, кладя бессчетные земные поклоны, принося в жертву одну* тельную корову за другой (смотря по хозяйству). Так как здоровый, сильный организм в конце концов побеждал, и бедная женщина, после долгого мучительного страдания, в большинстве случаев благополучно разрешалась от бремени, то получалось: „Бог помог, молитвы услышаны, жертвы приняты“.

А сколько детских жизней ушло в лучший мир от таких первобытных приемов лечения разных бабушек!

Личные удовольствия молодой калмычки ограничивались редким посещением вечеринок, на которые она, нередко тайно от старших, ездила с мужем в далекий, чужой хотон. В таких случаях она должна была возвратиться до зари домой и, не смыкая глаз, не подавая вида, что не спала, приступить к своей дневной работе.

Также время общей выделки кож, полостей (совместная работа всех женщин и девушки хотона) являлось для молодаянки радостным весельем, отвлекая ее на время, внося разнообразие в ее постоянно нудно-однообразную жизнь.

В таком тяжелом постоянном труде проходила незадачливая жизнь калмычки. За все это служило ей наградою потом дорогое и почетное имя „эджи“ — старая мать, когда она освобождается от всех трудов, приобретает право исключительной заботы о спасении своей души „на том свете“, всецело предается вымаливанию у Бога своих бывших и не бывших грехов.

В полном сознании исполненного долга, радостно отдавалась она религии.

И нужно сказать, что в таком понимании своей жизненной обязанности, в этом безропотном смиренном со своим положением в семье и обществе, в жертвенном ее труде была своеобразная прелесть, красота, а самое главное — глубокий смысл жизни. Ее душа была полна верою, чего нельзя сказать в отношении некоторых современных женщин.

Так было в старину. Но времена меняются; меняются и люди. Близкое соседство с оседлым населением, частое общение с ним, а иногда и совместная жизнь, веяние культуры и все разрушающее время незаметно делают свое дело.

Кочевой образ жизни калмыков отходит в область истории. Начинается второй исторический период в их жизни — оседание на местах. Привилась новая система хозяйства — скотоводческо-земледельческая, заменившая чисто скотоводческо-пастушескую; появились хутора и станицы с соответствующими хозяйственными постройками. Стала доступной медицинская помощь; появились школы, куда калмыки охотно стали отдавать

¹⁾ Молочный кислый продукт, заменяющий у калмыков квас.

и девочек. Изменилась и психология калмыка, его взгляд на общественно-хозяйственную жизнь.

Быстрое восприятие внешнего лоска культуры и слабые зачатки образования сделали свое дело. Теперь калмык на многое из того, что в старину считалось непререкаемым законом, истиной, стал смотреть как на дикие привычки, предрассудок старины.

От старого отказаться было нетрудно, но приобрести новое, пополнить жизнь новым содержанием удавалось не легко. Можно было уже встретить много таких, которые от своего берега решительно отстали, но и к чужому берегу не сумели пристать...

„Поверхностное приобщение к науке отталкивает от Бога, но полное приобщение к ней обратно приводит к Богу“, — говорит один немецкий философ.

К сожалению, этой участи не избежали и некоторые калмыки, что могло оказывать хорошую услугу в деле денационализации их, способствовать утере своих национальных калмыцких особенностей. „Культурное“ развитие подобных лиц не могло вызывать зависти.

... „Нельзя вступать в жизнь без солнечного восхода и без признательности; к кому или чему-нибудь надо питать молитвенные чувства, надо благодарить и благодарить...“

К кому и чему могли питать молитвенные чувства, перед кем могли благодарить и кого благодарить подобные, сбившиеся с родного пути, правда, единичные, т. н. „окультурившиеся“, лица?

Сказанное отчасти относится и к женщинам-калмычкам.

Стали девочки поступать в средние учебные заведения, появились и с высшим образованием. Громче и смелее стали говорить об освобождении женщины-калмычки от патриархального гнета, о равенстве прав с мужчинами. Под влиянием культурного населения и мужчины-калмыки не возражали против таких домогательств женщин. Лишь глубокие старики возмущенно ворчали под нос, принимая все эти новшества за знамение времени, за предтечу больших бедствий, несчастий. А молодежь стала на защиту попираемых прав женщин и стала проповедывать о свободе и равенстве их.

Помню одно Калмыцкое Национальное Собрание в 1917 году, после февральской революции. Присутствуют представители духовенства во главе с Бакшей-Ламой донских калмыков, и представители всех станиц — почтенные старики. Между другими вопросами разбирается вопрос о положении женщины-калмычки в семье и обществе. Молодой человек, радикально настроенный, как и вся молодежь того времени, держит речь. Перечислив все действительно тяжелые страдания женщины-калмычек, перенесенные ими в силу старых патриархальных традиций, быта, он с пафосом требует предоставления женщинам полной свободы и равного права с мужчинами. Группа учительниц (в том числе и девицы) демонстративно шумно аплодирует ему. И это в присутствии целого сонма духовенства и почтенных стариков! Это было характерное явление, свидетельствовавшее об уже состоявшемся фактическом освобождении женщины от патриархально-традиционных стеснений.

Таков был дух времени, но по существу такая демонстрация была излишней. Усиленно раздражая консервативную часть камыцкоего общества, она не приносила конкретной пользы делу освобождения женщины. Между тем, как сказано выше, время и смежная жизнь с культурным населением делали и без того свое дело в пользу женщин.

В связи с изменением хозяйства калмыка, изменились и условия жизни калмычки. Многие из того, что раньше делалось исключительно руками женщины, теперь уже приобреталось в готовом виде: материалы для одежды, обуви, посуды и т. д. теперь не нужно уже выделять женщинам; исчезла надобность в постройке, разборке и переноске кибиток, раньше как часто практиковавшихся и отнимавших много времени у женщин. Стало возможным выкраивать время для своего отдыха, удовольствия, отчасти удовлетворения и духовного запроса души.

Теперь уже нет того веселого, радостного, как праздник ожидаемого молодыми женщинами, „шир кэлгэн“,*) где немолчно в течение нескольких недель беспрерывно звучала песня молодежи, молодые радостные голоса; где царил неподдельное молодое веселье, брелчанье домборо-балалайки, где происходили разные невинные флирты, завершавшиеся иногда счастливым браком. Нет шумной совместной „ишэгэ-кэлгэн“, „хололонг томэлгэн“, „зэк кэлгэн“, „аргамджи, дэсэ гюрэлгэн“. Все эти виды совместной работы представляли из себя зачатки примитивной формы взаимопомощи в области производства или, по современному, — кооперацию.

Нет глубокого почитания старших, беспрекословного подчинения мужу и жертвенного примирения „с женской участью“. Теперь очень редко можно найти женщину, умеющую все делать. Нередко можно найти женщин не имеющих даже представления обо всем этом и искренне ужасающихся деспотизму режима старого времени.

Все „погребено, позабыто и не воскреснет вновь“.

Тем не менее и при новой системе хозяйства и жизни на плечах калмычки оставалось многое. Кроме повседневной работы в доме, она должна ухаживать, присматривать за скотом, активно помогать мужу в полевом хозяйстве, а в последнее время всецело на ней лежало огородничество (хотя и в зачаточной форме) и бахчеводство.

Она всю семью обшивала (калмыки до самого последнего времени ничего портному не давали, почему все женщины обязательно должны уметь шить домашние платья), много занималась рукоделием.

С начала Великой войны 1914 года, когда многие мужчины ушли на войну, хозяйство калмыка снова легло почти исключительно на плечи женщины. Она везде должна была справляться сама: и дома и в поле. Это положение усилилось во время войны с большевиками, когда все мужчины-калмыки почти поголовно ушли на войну.

В ведении самостоятельного хозяйства и при новом порядке многие калмычки проявили большую способность, сметку; очень многие из них в отсутствие мужей умелым ведением, отменным трудолюбием успели поднять и расширить свои хозяйства. Они снова подтвердили свою хозяйственную способность, выносливость и трудолюбие.

Таково было положение калмычки в семье и обществе до 1917 года.

Наступила эпоха войны с большевиками. Столкнулись в великой схватке слепой фанатизм и трезвый ум, горячее чувство и здравый рассудок. И в этой жестокой борьбе все пошло на смарку; все перевернулось вверх дном...

С таким трудом собиравшееся, с такой любовью оберегавшееся женщиной-калмычкой хозяйство разлетелось по лицу земли. Брали и свои и чужие: перед этой стихией времени опустились и сильные руки калмычки — не было никакой человеческой силы удержать, остановить это стихийное разрушение; всё разлеталось; всё крушилось.

Кроме лишения своего хозяйственного достояния, она увидела и нечто ужасное для себя: над ее основой жизни, величайшей духовной ценностью ее жизни — религией — люди надругивались безнаказанно. Религия была объявлена величайшим злом человеческого рода, „опиумом народа“ и... небо не разверзлось, гром не сражал этих кощунствующих людей.

Хурулы-монастыри, где калмычка находила духовное прибежище, искала спасения души, были осквернены, разрушены, а служители их объявлены врагами народа**).

*) Общая совместная выделка кож для одежды, обуви, посуды.

**) Между прочим, ген. А. И. Деникин в своих „Очерках Русской Смуты“, описывая „жестокое гонение на Церковь, глумление над служащими ее; разрушение мно-

В полном недоумении, беспомощно разводила руками калмычка, отчаянно молила Бога о помощи, но помощи не было видно...

Видя это безудержное разрушение, не одна женщина мучительно задавала себе вопрос: зачем все это собирала, оберегала, для чего так часто отказывала себе в самом необходимом? Кровью обливалось ее сердце, когда она видела исчезновение результатов своих долгих, тяжелых трудов. Но горе ее не ограничилось этим. Ей приготовлены были впереди еще более тяжкие испытания.

Сколько физических мучений, нравственных надругательств претерпела многострадальная, великая в своем горе, женщина-калмычка от „героев“ смутной эпохи!

Было много старух, над которыми надругивались пьяные солдаты группами „по-взводно“. Несчастные старухи потом со слезами на глазах рассказывали о перенесенных мучениях, страданиях и с удивительным смирением принимали свое несчастье, как кару Божию за грехи своей прежней жизни (вера в перевоплощение души).

Было много молодых, здоровых и интеллигентных и простых женщин, которых вооруженные пьяные солдаты уводили на ночь „в штаб на допрос“, а утром возвращали „оправданными“, но с явными следами пьяных надругательств, с загубленной молодой жизнью. Много молодых женщин тут же, на месте преступления, не выдержав диких, зверских глумлений, еще до „окончания дела“ уходило в лучший мир. „Герои“, выполнив свое „блестящее“ дело, с веселой песней уходили, а там бедный грудной ребенок, хватаясь за грудь холодного трупа своей матери, плача и царапая лицо умершей, тщетно пытается разбудить „спящую“ мать.

Безгласное, несчастное создание! Куда ей было жаловаться, где ей было искать заступничества! Несчастные жертвы! Пусть души их обретут лучший мир! Дальше стало еще хуже. Пришлось оставить на произвол судьбы свои родные места, так долго и упорным трудом свитые родные гнезда.

С малыши детьми, со всем домашним скарбом, на неприспособленных для такого дальнего пути тяжелых, неуклюжих подводах, в зимнюю бурю пустились калмычки в неведомую даль. Именно женщины, ибо мужчины почти поголовно были в войсковых частях на фронте.

Куда, зачем? — Не все ли равно, лишь бы не сидеть в бездействии, в ожидании неизвестного грядущего! И этот тяжкий исход из Родных Краев не принес им, бедным женщинам, того результата, какого ожидали: немногим из них удалось избежать той участи, какая ожидала их на месте, от грядущего неизвестного, безликого, страшного.

Какую нечеловеческую изворотливость, выносливость и терпение проявили в своем упорном желании двигаться вперед эти молчаливые, безропотные создания! Помимо небывало-суровой зимы, доставившей беженцам ужасные страдания (на безлюдной маньчжурской равнине беженцы сплошь и рядом ночевали в степи, где снежная буря за ночь успевала покрыть сугробом их походные подводы-шалаша), тыловые „герои“ доставили

гих храмов, с кощунственным поруганием святынь, с обращением дома молитвы в увеселительное заведение... говорит: „... интересно, что религиозные преследования относились только к православным: ни инославные храмы, ни еврейские синагоги в то время ни сколько не пострадали“.

Очевидно, под „инославные“ подходят и калмык-буддисты. Если это так, то такое утверждение совсем неправильно. Калмыцкие буддийские Хурулы (храмы-монастыри) и их служители подверглись столь же тяжелой участи с самого начала Смуты. Так что деление на „в то время“ и после невозможно. Разница лишь в том, что там после „кощунственных поруганий святынь“ церкви обращались в „увеселительное заведение“, „больницу для сифилитиков-красноармейцев“, а здесь, после всяческих поруганий и кощунств Хурулы-церкви просто сжигались, а священные, драгоценные писания пускались по ветру и служили для „известной“ надобности.

им много горя и страданий: эти „герои“ отнимали у них скот, лошадей, — они из остатков сколачивали новое, еще более первобытное тягло и двигались дальше; „герои“ бросали с моста их подводы со всем их домашним скарбом, — они садились на оставшихся кляченок и продолжали свой мучительно-тяжелый путь; отнимались седла — садились охлюпки; падала или подбивалась лошаденка — они шли дальше пешком; развалились сапоги? — ничего, подмотаем тряпками. Грязь, острые камни, кровь течет из изрезанных ног? Ничего, кровь еще не застыла в жилах...

— Куда идешь, куначка? Впереди море, все равно умрешь...

— Ничего, и сзади смерть и впереди смерть... Буду идти до тех пор пока держат ноги. Ноги откажутся держать — поползу на четвереньках... Лишь бы двигаться...

По злой иронии судьбы, это их и без того тяжелое положение еще более ухудшалось некоторыми своими же братьями-калмыками. Появилось много „карательных“ отрядов, во главе с каким-нибудь не в меру ретивым служакой офицером-калмыком. Эти люди, по истине неведавшие, что творят, не понимавшие кого и во имя чего „карают“, забирали в беженских группах мужчин, не исключая инвалидов и престарелых стариков, в „войсковые части“, а в действительности для создания себе „особого отряда“ с тем, чтобы в нем играть роль начальника, чем очень часто ставили в безвыходное положение своих сестер, жен, матерей. В этом „действии“ не последнюю роль играл б. Член Донского Войскового Круга, ныне вернувшийся в С. С. С. Р. Санжа Учурович Пунцуков.

Множество таких причин в конце-концов надломил силу женщин: всему бывает предел. И во многих случаях пришел конец выносливости и крепости женщины-калмычки. Были случаи, когда последние, потеряв все свое добро, исчерпав все виды и возможности дальнейшего движения, трагически пасовали: ставили на дороге, в грязи, своих детей, а сами с диким хохотом бросались в сторону, куда глаза глядят, сходили с ума.

Только ли это? Конечно же нет! Нет никакой человеческой возможности, хотя бы приблизительно, описать всю глубину и разнообразие страданий, вынесенных калмычкой на всем протяжении этого ужасного пути: Дон-Туапсе-Сочи-Новороссийск.

И несмотря на такое упорство, выносливость, немногие из них дошли до берегов Черного моря. Из этих, с таким трудом достигнувших заветного берега, немногим удалось попасть на еще более заветный борт парохода.

В силу сложившихся обстоятельств, в виду совершенной невозможности дальнейшего продвижения, огромное большинство поголовно выехавшего из родных мест калмыцкого беженства вынуждено было остановиться и отдаться на милость победителя, от чего так упорно, с такими жертвами бежали. И им действительно пришлось горькую чашу выпить до дна.

Лишь незначительная часть добралась до берега моря. Что творилось на пристанях, какие душу раздражающие сцены происходили здесь — видели все и не стоит описывать, да и не возможно.

Последний моральный удар, самую жестокую нравственную обиду калмыки получили от тех, кто был хозяевами пароходов в Новороссийске и которые, направляя свой штык на пытающегося пробраться на пароход калмыка, грозно рычали: „Чорт косоглазый, куда лезешь! Отваливай, беда не велика, что вас растерзают. Всякую штык в твою поганую харю!“ А в это время молодой калмыцкий полк, сохранивший дисциплину, чуть ли не один защищал последние подступы к Новороссийску от подступавшего врага. „Привеллигированные“, под охраной „поганных харей“, садились на пароходы, а последние защитники были предоставлены на растерзание озверевшего врага... Такова справедливость!

Эта горькая обида выразилась в народной песни калмыков:

... Усилия и искусство вождей напрасны —
Настало время с Родиной расстаться.
И в минуту отчаяния, в час расплаты
Русские начали от нас отделяться...

(Окончание следует).

Еще об „исторических документах“*).

Русская эмигрантская пресса во главе с „Днями“ А. Ф. Керенского охотно подхватила и достаточно „промаковала“ провокационное выступление г. Ф. Рудакова в „Украинской Ниве“ в номере от 6/II-1928.

На подготовленную таким образом „почву“ вылез, наконец, и „Путь Казачества“ в последнем своем номере статьей Владимира Мельникова с расчетом „добить“, конечно, таким „благодарным“ материалом „Вольное Казачество“.

Как и г. Мельников, мы считаем, что „не так то легко обмануть казака. Он отлично разберется в этой темной истории с „историческими документами“. — Разберется, конечно. А когда разберется, тогда „П. К.“ увидит, что „радость“ его была несколько преждевременной, что не всегда пользование материалом сомнительного качества приносит ту выгоду, на которую рассчитывалось, что иногда люди падают сами в ту яму, которую роют для других.

Мы понимаем г. Керенских, которым „дай порвать“, но от „своих“ мы вправе были бы ожидать более добросовестного отношения и большей разборчивости в выборе средств борьбы. Припомним, как „громко“ разбежался было „П. К.“ против нашего первого номера... а н о н и м н ы м протестом 55. Мы просили подписи. Очевидно, не дождемся, потому что их не!

Так и с „историческими документами“. Конечно, возможно, что таких „тонкостей“, как то, что „Украинская Нива“ не является „органом Петлюровской группы украинской эмиграции“ или, что г. Ф. Рудаков не является представителем „Вольного Казачества“, можно и не знать. Но допустить, что генерал И. Быкадоров есть такой „наивный“ человек, что для „уловления“ казачьих сердец в ряды „Вольного Казачества“ может прибегать к обману, к пользованию чужими именами, без их на то согласия, — это значит недооценивать сил других, хотя бы и своих противников, и слишком переоценивать силы свои. Бывает это только тогда, когда погоня за „сенсацией“ возьмет верх над здравым смыслом. Потом, нельзя же донцам допустить относительно другого донца, да к тому же еще генерала, чтобы он так блудил в двух соснах — генералах: донце А. Агеев и терце Агоев. Генерал Быкадоров так путать не мог бы.

Письмо, приписанное г. Ф. Рудаковым ген. Быкадорову, начинается так: „22 августа 1927 г. Союз Казачьих Войск порвал все с московскими эмигрантскими политическими организациями“... — Для того, чтобы

*) В следующем номере мы дадим исчерпывающее объяснение всей этой „темной“ истории.

доказать вздорность и этого утверждения и самого письма, стоит только спокойно поставить вопрос: о каком это „разрыве“ идет речь? Ведь если бы такой „разрыв“ был, — разве о нем не знали бы, разве это могло бы быть тайной, разве об этом не кричали бы обе „разорвавшие“ стороны? Да и кто и что рвал, по Рудакову, точно 22 августа? — „Союз Казачьих Войск“. А где же он, этот „Союз“? А разве казаки были связаны с „московскими эмигрантскими политическими организациями“ чемнибудь таким, что нужно было „рвать“ 22 августа 1927 г.? — Где же этот „разрыв“ произошел? — Ведь стоило только спросить себя обо всем этом г редактору „П. К.“, чтобы увидеть сразу всю несуразность „документа“. Казаки ничем не связаны с „московскими эмигрантскими политическими организациями“ и „рвать“ им поэтому нечего.

Перейдем дальше к идеологической части „исторических документов“. Наибольшие протесты и „иронию“ вызывает то место „письма“ которое зовет казачество в „лоно Матери Украины“. — Мы не скрываем совершенно своего отношения к Украине, напротив, мы его резко подчеркиваем и видим эти отношения сейчас и в будущем, как отношения союзные. Мы считали и считаем, что казаки проиграли свою недавнюю борьбу потому, что не договорились с Украиной. Не воевать нужно было с Украиной, а союз заключать. „Вольное Казачество“ и заключает такой союз Казачьих Республик с Украиной на основах „равный с равным, вольный с вольным“. Уже в первом номере мы говорили об Украине, как о естественном союзнике. Кто это знает и кто знает ген. Быкадорова (а то и другое прекрасно знает ред. „П. К.“) — тот тоже знает, что ген. Быкадоров не мог говорить о „лоне“.

— Не будем останавливаться здесь на дальнейших мелочах. Читатели и без того отлично разберутся во всей этой „истории“. От провокации, или от того, что тебя не „подкуют“ — никто не застрахован. „Подкувала“ же „Путь Казачества“ и редактора его „казака Донского Войска В. А. Харламова“ „Рабоче-Крестьянско-Казачья Оппозиция — Русских Фашистов на Дальнем Востоке“ зачислением его в свои идеологи и союзники („Фашистская Россия“, С-Франциско, 1927, стр. 71).

Не „исторические документы“ разделяют нас и „П. К.“ Разделяет нас слишком разное понимание интересов Казачества, разделяет нас целое мировоззрение. Борьба между этими двумя течениями — „В. К.“ и „П. К.“, конечно, неизбежна, но — будем бороться более порядочными средствами, а рассудит нас — Казачество.

*****

Думы и мысли казачьи.

От редакции. Идя навстречу желаниям своих читателей, редакция „В. К.“, начиная с настоящего номера, отводит особое место думам и мыслям читателей-казаков. В этом отделе будут помещаться те письма казачьи в редакцию „В. К.“, которые имеют общий интерес. Этот новый наш отдел „думы и мысли казачьи“ будет принадлежать больше читателям, чем редакции, это будет нашей „вольной трибуной“, с которой будут иметь возможность говорить сами и те, кто до сего времени должны были только слушать других.

Болит душа казацкая, отбивая наглые, безумные атаки со всех концов. Именно: С величайшим прискорбием читаю журнал „Путь Казачества“, № 22 (115). Маленький фельетон. Да!.. Как видно, не на шутку берутся эти господа зубоскальничать над несчастным вековым героем казаком.

Что-ж! Аль сказать правду этим господам?! И вот скажу. „Путь Казач.“, если и печатан может-быть ка-

заками, то все таки он гласит более в защиту России, нежели Казачества. И это не отрицаемо. Да. Я не собираюсь защищать журнал „Вольное Казачество“ и нападать на журнал „Путь Казачества“. Я очень далек от политики. Мой путь один: Люблю брата-казака, Дон и все Вольное Казачество, и мой долг чтить своего выборного Атамана. А что Россия казакам не родня (враг), то этот факт неотклонимый никакою рукою. Приведу несколько примеров:

1) Нашего хутора Александрина, Ефим Семенович Александрин, белый, как лунь старик, более ста лет. Помню, бывало, соберет нас, детишек, и, как начнет рассказ о России, и сам временами плачет, горько плачет! Царь нас ненавидит дужа! Расея нам — казакам день и ночь лиха желает. Говорил про войну с французом, 1812-13 годы, про Я. П. Бакланова, и много-много о Расеи и своих казачьих делах. Расея — наш вечный враг, — часто это повторял дедушка Ефим, разглаживая свою белую старообрядческую бороду. Много мы, казаки, пролили нашей алой кровушки, за-

щищая Расею, но она Матушка все-таки нас не любит и не любит. Она постоянно старается нас уничтожить. Вот его рассказ.

2) Помню, когда я еще ходил в первое отделение приходского училища в слободу Добринскую к крестьянам. У нас в хуторе училища не было. Бывало как заспорим с казаками, так они нам — казачатам словечко: „погодите! Вот придет Расея к нам на помощь, так мы вас шапками закидаем. Чигаманы“.

3) После революции, по свержении императора Н. II-го, они, русские, в глаза нам говорили с насмешкой: казаки! Теперь вы не казаки, а граждане, как и мы. Казаков нет! И, много-много выражаясь на казачьем, радовались, что имя казаки уничтожено кем-то по повелению из Расеи (из Москвы).

4) Когда красная гвардия навалилась на Дон в 18 году, то первейшими врагами и издевателями над нами — казаками явились крестьяне, в числе которых и слобода Добринская, наша соседка.

5) Когда воевали общию силою с доброармией против общего врага большевика, то масса являлось споров со стороны добровольцев (русских) к нам, казачкам.

6) И, наконец, теперь за границей на каждом шагу можно слышать русских людей (от ваньков), ругающихся и всячески выражаясь по адресу казаков.

Но так, что-ж? Приведа (б) шесть достоверных примеров, неужели я могу, подумав глубоко, погоревав за нахальство скалозубов над славным казачеством, в добавок махнуть жестоко рукою?! Нет! Никогда! Как сын степей, внук Т. Дона, я становлюсь на вал и пусть пули свистят надо мною. Но ведь не пули! Тут нет залпов! Пока за валом. Не пули свистят, а мерзкие насмешки сыплются от невоздержанных господ. И как против пуль я на вал взлетал, так и против глупых, но весьма вредных нам — казачкам разговорчиков я становлюсь на амвон и говорю, повторяю слова предков-казачков:

Здравствуй царь в Кременной Москве, а мы Казаки, на Тихом Дону.

Что-же! Неужели я ошибаюсь в этом?! Если да, то во всяком случае дедушка Ефим Семенович много прав в его многостотых о Расеи и казаках рассказах. И кто дерзнет это назвать неправдой? Во втором примере я пишу спор с крестьянами! Что-же, неужели они так-себе дурачки были и говорили, придет Расея и мы вас шапками закидаем? Нет. Эти слова были грозны для нас и постылы. И они не выдумывались детишками, не знающими, что такое Расея. Наверно, это передавалось из поколения в поколение и, наконец, дошло до нашего времени. И это так и было. И никто не в силе отвергнуть эти слова нам, они, наконец, нашли пределы. Расея пришла.

Валом привалила в 1918 году на вольную степь казачью. И глаголющие от слов принялись за дело. Несказуемые заплевания, заушения и смертные казни совершали они над казаками. Вот тебе и Расея! Именно Россия это пагубное дело над Вольным Казачеством совершила. И мы, казаки, можем-ли назвать ее Матерью? Но хоть Мачехой? Если говорит, то только говорите истину. А мерзавец всегда радуется своему неправдою и злом над говорящим правду.

Мой родной Отец, это Дон Иванович.

Моя родная Мать, это славное Казачество.

Мои братья, это казаки всех 12-ти казачьих Войск. Истинно.

Жаль, что люди, критикующие казака и беспощадно издеваясь над ним, кроются под славным именем журнала: Путь Казачества. — Волки в овечьей шкуре!

Разве-же путь казака ведет против казака? Довольно, господа! бросьте зубы лечить, они абсолютно здоровы!

Понятно? Или нет?!

Не осудите меня казака за чистейшую правду. Верую во Христа, чту Атаманов и слушаюсь и люблю мое родное Казачество.

Казак Донского Войска

Георгий Миронов Александрин.

Болгаря, 16/II-1928.

II.

„Кто эти, верящие в „казачьего Бога“ — говорить не стоит... Они сами за себя говорят...“ („Путь Казачества“, № 24—25, стр. 31)

Верно, станичник, верно „Степняк“!.. Громко к тому же... Ясно — бояться кого?! „С пути свернувшиеся по молодости или по недоразумению“...

Совсем хорошо: с поправкой маленькой последнего — „по здравому размышлению“...

Очень хорошо, станичник, и верно сказано:

С пути свернулись: подобострастия, заискивания и пяток лизания...

Не хотим, дескать, „казачковать больше“!..

Хочется так тебе руку подать в надежде, что и ты выйдешь с нами на наш путь:

Открытый и честный... Путь познания самих себя, своих интересов...

Какой широкий шлях, станичник!.. Простору сколько, брат, раздолья-то, раздолья!.. А главное: защиты своего святого и чистого самого от насмешек и надругания... Бога твоего, Бога русского!?

Да, предетавь себе!..

„Продавши шагу свою“ (не знаю собственно, о какой ты говоришь: чужую мы вернули, а собственную куем) мы, верно, написали на своем „блажитном флаге“ — (на вкус, брат, да на цвет — товарищей опять же нет; коли тебе, видимо, нравится более иной какой-нибудь цвет — нам очень, поверь, люб — синий) имена тех, кощунство над светлой памятью которых твоего Бога — должно оскорблять чувство казака...

Лицемерие одно и гаденское!..

А коли хочешь правду слов моих проверить — прогуляйся в Брно да посмотри, кто молится обыкновенно там за атаманов?..

Русский Бог больших людей не любит!.. А тем более „за веру и царя“ живот свой не положивших... Явление в Брне прискорбное очень; русскому Богу честь не делающее и очень поверь. — А вот и другой факт: Собрание одного русского кружка уже в конце...

Поднимается один, верящий в Бога казачьего:

— Господа, разрешите мне прочесть вам маленькое стихотворение в прозе...

— Пожалуйста, просим...

Привыкло то общество к пустым строкам любовным, к сантиментальной глупости...

— „Посвященное большим, большим людям, трагически опустившим арену жизни в расцвете лет... Атаманам казачьим: М. А. Караулову, А. М. Каледину...

Политическое!..

Поднимается угрюмо фигура: казачья — в русского Бога верующая. Громко ступая, демонстративно выходит...

Политическое!..

В черта, станичник „Степняк“, в дьявола — в целый ад готов, станичник, верит после этого не только я, а многие и другие, думаю...

„Казачий Бог“ слишком слаб для таких казаков: любви он Бог, прощения...

.....

Долой с такими казаками!..

20. III. 28.

Петр Терский.

На Украине.

Письма крестьян. Террор. Еврейская колонизация.

Больше, чем в какой иной части СССР, на Украине идет борьба с властью из-за хлеба. Константировавши, что за последние месяцы многие округа не выполнили хлебозаготовительного плана на 40, 50% и больше, большевики снова стали применять жестокие репрессии по адресу крестьянского населения, отказывающегося давать им хлеб. В течении одной недели „украинизированный“ комиссар Шлихтер арестовал в разных округ. и разместил по тюрьмам свыше 4.000 „кулаков“. Что это за кулаки, видно из одного частного письма крестьянина Екатеринославской губ.:

— Как вам известно, пишет он, у нас в селе было семь человек, которые записались в партию. Это вам известные, — следует перечисление. Трудолобивые люди они очень бедствовали до большевиков и обрадовались им, надеясь, наконец, добиться до земли и хозяйства. Получили небольшие участки — 6-8 десятин каждая семья. А теперь они в тюрьме, потому что не хотят больше давать хлеба и не говорят, где другие его спрятали. И из тюрьмы пересказали, чтоб не давали, потому что по всей Украине таких „недающих“ по тюрьмам много, а всех не перестреляют и в тюрьму не посадят. —

Письмо это дышет непобедимо ненавистью к пришельцам, захвативших родную землю. Настроение его аналогично тому, которым полно и опубликованное на днях в „Руле“ в переводе письмо крестьянина из Полтавщины к своему другу в эмиграции.

— Подчеркиваем, читаем там, что положение украинских крестьян одно из наихудших... Коммунистическая власть почитает крестьян-украинцев за таких же самых животных, рядом с которыми он работает; она издевается над ним. —

Исправить положение, по мнению автора письма в „Руле“ и изгнать большевиков могут только те, кто выполняет тайно советы: Позором считайте разные почести. Махните пока что и на самые деньги. Прежде всего захватите прессу, — тогда все остальное придет само собою. Сделают это те, „кто так в себя верит: наша власть могущественнее всех других, ибо она невидима“.

Большевики всеми доступными им средствами разыскивают эту „невидимую власть“. Они обвиняют всю украинскую интеллигенцию, — почти что без различия партий, — в том, что это она, имеющая органические связи с крестьянами, создает на селе такие настроения.

Так ли это, или нет, нам отсюда судить трудно. Но в последнее время волна террора, направленная против украинской интеллигенции, достигла высокого напряжения. Как сообщают в прессе, в Харькове арестовано 32 человека украинской интеллигенции, в Киеве — 40, а двое из них — доктор Суворцов и инженер Петренко уже и казнены. Арестована также и группа украинских коммунистов, ведущих агитацию за выход Украины из состава СССР.

Но не только террором заботятся большевики укрепить свое положение на Украине. Желая приобрести, если не симпатии, то хотя-бы разделить ненависть, они за последнее время особенно старательно ведут украинизацию во всех сферах народной жизни. Исполнительный комитет партии принял даже решение, которое могло быть продиктовано самым подлинным национальным чувством. Он обратился в Москву с требованием, чтобы Украине были возвращены те художественные, научные, археологические и иные сокровища, которые были насильственно оттуда вывезены за последние полтора столетия и размещены в музеях Москвы и Петербурга. Между этими сокровищами имеются предметы безграничной научной ценности, как Остромирово Евангелие, Сборник Святослава и др., точно так же как и предметы высокого национального внимания: регалии Войска Запорожского, Гетманские и Полковничьи булавы и пр. Москва, конечно, против этого.

Другим фактом из той же большевицкой политики является прекращение на Украине еврейской колонизации. Грандиозный план Москвы создать на берегах Черного моря еврейскую республику и тем подорвать и будущее единство и силу Украинского государства рухнул окончательно. Переселено было на землю 12.000 еврейских семейств, из которых больше половины уже успели бежать оттуда, не выдержав непривычных условий жизни и враждебного отношения окружающего украинского крестьянского населения. Официально причиной большевики объявили недостаток свободных земель на Украине. Причина нелепая, ибо этих свободных земель там уже 50 лет как не существует. В действительности они испугались тех волнений, которые на этой почве возникли в районе еврейской колонизации, и которые грозили насильственно прекратить оную. Евреям предложено переселиться в далекую Сибирь на границы Манчжурии, но охотников ехать туда объявилось немного.

— ох.

*****

Казачья эмиграция.

Кубанское совещание.

По почину Кубанской части редакции „Вольного Казачества“ 22 прошлого марта в гор. Праге состоялось совещание находящихся в Ч. С. Р. членов Кубанской Краевой и Законодательной Рад и представителей кубанских организаций по вопросу о кубанских регалиях.

На совещание были приглашены: все члены Рады, равно как и члены бывших куб. правительств, а также представители: О-ва Кубанцев, Союза Кубанцев, Громады украинцев с Кубани, Кубанских землячеств в Праге и Подебрадах, Кубанского т-ва имени Я. Г. Кухаренко, Куб. О-ва взаимопомощи, О-ва изучения казачества, Союза казаков окончив. в. уч. зав. в Ч. С. Р., Общеказ. с-х. Союза, Общеказ. студен. станицы.

Собрание проявило полное единодушие по вопросу о необходимости реальной и рациональной помощи в деле сохранения регалий.

Для собрания точных и исчерпывающих данных о фактическом положении регалий и Делегации собрания избрало комиссию в составе: члена Рады И. В. Гор-

бушина, инж. Нестеренко и полковн. д-ра С. Федорова, которая и приступила к собиранию необходимых информаций.

К решению собрания присоединились устно и письменно большинство отсутствовавших членов Рады, не было на собрании лишь Кубанцев от двух студенческих организаций в Подебрадах: Куб. Землячества и Громады имени Кухаренко, да О-ва Кубанцев в Ч. С. Р.

С. Ф.

В редакцию „Вольное Казачество“.

М. Г.

Г. Редактор!

Не откажите в любезности на страницах Вашего журнала поместить нижеследующее:

Скоро год, как существует Союз Казаков, окончивших В. У. З. в Чехословакии, и его исполнительный и др. органы. За это время Председатель Правления Союза и члены Правления делали неоднократную попытку

подвести под Союз материальную базу и этим разрешить те существенные, необходимо жизненные вопросы, выдвинутые Общим Собранием Союза. Попытки эти по разным причинам и основаниям не дали положительного результата. Отсюда, вполне понятно, что Правлению и трудно было выполнить задания полученные от своего высшего органа — Общего Собрания. Однако, несмотря на отсутствие средств, Правление С. К. О. В. У. З-а продолжало, правда нерегулярно, свою работу.

Им было устроено на физическую работу около двадцати человек, на практику два, во Францию пять, в Польшу два, в Сербию один, на специальные краткосрочные курсы в Чехословакии три. В этом направлении Правление Союза продолжает работать, отметая всякую политическую работу, и по настоящее время.

4 февраля с. г. Правлением Союза был устроен Концерт-Бал в помещении „Русского Дома“, с целью сближения с чешской общественностью. Завязанные связи дают основание предполагать, что в будущем работа исполнительного органа будет протекать более успешно.

Что касается материальной поддержки членам Союза, то должно указать, что последняя оказывалась каждому из обратившихся к Правлению — через Чешский Красный Крест. Помощь эта была минимальной и не удовлетворяла потребных нужд. Правление С. К. О. В. У. З-а доводит до сведения, что те, кто вступает в Союз, не должны рассчитывать на большую от Союза поддержку и помощь. При данной обстановке требуется большая самоорганизованность внутри Союза, жертвенная самопомощь себе и своим коллегам по Союзу и самостоятельность. Только при этих условиях возможно единение демократической части казачьей интеллигенции.

В конце апреля или в начале мая с. г. состоится годовое собрание. Повестка дня: 1) Прием новых членов; 2) Доклад Правления С. К. О. В. У. З-а; 3) Доклад Ревиз. комиссии; 4) Выборы правления, ревиз. комиссии и др.; 5) Текущие дела.

О дне и месте Собрания будет объявлено повестками особо. Лица, желающие вступить в Союз и принять участие в общем Собрании, должны заполнить прилагаемую анкету и переслать по адресу Прага II, Raupská 16.

Председатель Правления Белый В.

Зам. Пред. Правления Инж. П. Колачов.

Секретарь Кохановсков.

АНКЕТА.

1. Имя, отчество, фамилия. 2. Год рождения и постоянное местожительство в России. 3. Какое среднее учебное заведение окончил, где и когда. 4. Откуда и когда прибыл в Чехословакию. 5. Какое высшее учебное заведение absolвовал или окончил в ЧСР (документы). 6. Семейное положение: имя, возраст и местожительство членов семьи. 7. По какой специальности и в каком государстве желал бы устроиться. 8. Какие знаете и какие желаете приобрести узкие специальности. 9. Имете ли связи в ЧСР с фирмами и организациями, если имеете, то с какими. 10. Чем заняты в настоящее время и в чем нуждается. 11. Какие языки знаете, кроме русского и чешского. 12. В какой эмигрантской организации состоите помимо С. К. О. В. У. З. в ЧСР. 13. Ваши замечания. 14. Имеющиеся документы. 15. Номер паспорта или другого вида на жительство. 16. Подробный адрес в Чехии.

*****

В Казачьих Землях.

Вести с Дона.

Судя по последним письмам из С. С. С. Р. экономическое положение страны доведно восьмилетним хозяйничаньем большевиков до крайних пределов упадка. „Победители“ казачества приложили все усилия к тому, чтобы уничтожить всякое благосостояние в Казачьих Краях. Применяя всевозможные виды продналогов, пря-

Заявление.

Прошу принять меня в число членов Союза Казаков, окончивших В. У. З. в ЧСР. Положение Устава принимаю.

Письмо в редакцию.

Помещая письмо группы казаков - земледельцев, редакция просит извинить, что многие слишком энергичные фразы опущены. О „Баче“ — Григ. Як. Филатове, ценя его большие заслуги перед всем Казачеством, Вольное Казачество поблагодарит.

Уважаемый господин редактор!

Просим не отказать нам в помещении в издаваемом Вами казачьем журнале нижеследующее:

Глубоко возмущены постановлением правления Общеказачьего Сельско-хозяйственного Союза, уволившего из штата служащих Союза „бачку“ — Григория Яковлевича Филатова.

Уволили того Г. Я. Филатова, который с самого зарождения Союза был все время выбираем громадным большинством голосов не только нас, казаков-земледельцев, но и массы других членов Союза. Это доказывает, что мы, казаки-земледельцы, всегда его ценили, как выразителя наших желаний и стремлений.

Находясь ли на работах у седлака, или где нибудь на постройке, мы всегда знали в Союзе только своего „бачку“, обращались только к нему, и Г. Я. Филатов знал всех нас, знал наши горести и печали и теперешнюю нашу жизнь.

И вот теперь единственного нашего представителя, бывшего хотя в числе служащих, уволили, а оставили вечно подкалывающих, выслуживающихся лиц, которые жадно подбирают крохи с господского стола.

Г. Я. Филатова им нужно было уволить, что он не был ихним человеком, что он не пляшет под их дудку, что он может мешать их игре, а больше всего, что он на собрании уполномоченных честно по-казачьи не голосовал за господ, находящихся теперь в правлении ОКСХС. „Демократическим приемом“, при участии лиц, ничуть не причастных к правлению Союза отделались от „опасного человека“, решили вопрос об увольнении также „демократическим приемом“ сперва в каварне с участием других „деятелей-демократов“ — проторговавшегося министра инж. В. и пьяного бывшего командующего армии.

Какое отношение они имеют к правлению союза?

Решило правление... но не пошел против совести обласканный и обведенный простой казак Автономов, которого они взяли в правление для декорации, но он с ними не пошел и остался при особом мнении, и наше мнение: для очистки совести сделать все, чтобы не оказаться замаранным от этих господ.

Твердо верим, что мы, казаки-земледельцы, а также и другие члены союза, видящие вопиющие бесчинства кучки верховодников своешкурных „деятелей“, не останемся спокойными зрителями, а соответствующе ответим этим зарвавшимся „казачьим демократам“, слишком уж надоела их игра массой, какую они ставят ни во что.

Доколе же будем равнодушно смотреть на „игру“ милюковско-керенских казаков?

Пора кончить с ними!

5 апреля 1928.

мы и косвенных, кремлевские главковерхи добились, наконец, своего: Казачьи Края стоят на краю гибели!

Вот что пишут из нынешней Сталинградской губ. (бывшего Усть-Медведицкого округа):

— „Жизнь подошла невыносимая: налоги непосильные; хлеба нет; муку, сахар, чай — дают по карточкам, и то не достанешь...“

Частная торговля не существует, а в кооперациях

всего нельзя достать... Доставили мануфактуру и дают исключительно за хлеб... вообще, если будет в этом году неурожай, то погибло все!.. Зима стоит ровная, и очень холодная; снегу много"... Повидимому бесконтрольные „хозяйева“ Земли Войска Донского чувствуют, что час провала их в Казачьих Краях близок, а для того, чтобы не умереть от голода в стенах Московского Кремля, — они старательно выуживают сейчас из казачьих амбаров весь хлеб, добытый казаком-землеробом кровавым потом, благодаря „райским“ условиям жизни, созданным большевиками.

Несмотря на всяческие искусственные расчленения казачества: территориальные и этнографические, большевики отлично понимают, что этим им казачества не уничтожить и рано или поздно им придется жестоко поплатиться за это.

Тихий Дон — не для всех Тихий! А если Он всколыхнется и взволнуется, то не утлой, дырявой лодке кремлевских сатрапов бороться с его волнами!..

Ат. —

„Новый быт“.

(Екатеринодарские „чубаровцы“).

В адыгейском областном суде в Екатеринодаре началось слушание громкое дело екатеринодарских „чубаровцев“: студента с. х. института Синдоровского, ученика 9 группы трудовой школы Мамрыка и уволенного из 8 группы трудовой школы Гавриленко, обвиняемых в том, что 25 января 1928 года они, предварительно сговорившись, пригласили ученицу старших групп трудовой школы З. Крылову погулять за город и потом, на берегу Кубани, поочередно ее изнасиловали, а затем оглушили ударами камня и сбросили в Кубань.

Обвиняемые виновными в изнасиловании себя не признали и показали, что пошли гулять, посидели на берегу и „выпили“. Мамрык влюбленный в Крылову, спросил ее — будет ли она с ним гулять. Крылова засмеялась. Тогда Мамрык ударил ее голышем по голове. Думая, что она умерла, они сбросили ее в реку,

Процесс продолжался несколько дней. Перед зданием суда толпились большие группы студенчества.

Все трое признаны судом виновными в изнасиловании и убийстве З. Крыловой и приговорены: Синдоровский (21 г.) к расстрелу, Мамрык (18 лет) к расстрелу, Гавриленко (17 лет) к лишению свободы со строгой изоляцией на 7½ лет. Ввиду несовершеннолетия Гавриленко, наказание ему снижено на одну треть.

(Молот, 1993).

Американец.

— Вы, гражданочка, пришли сюда разводиться. Я тоже. Каких-нибудь полчаса и свободен, так сказать, от кошмарного прошлого. Получаю 75 плюс нагрузка. Дети у вас есть? Нет? Знаете что? Давайте зарегистрируемся! Вы скорей разводитесь, а потом подождите меня. Или еще лучше: я может быть раньше сам разведусь и подожду вас.

Пожилomu гражданину совслужащего обличья однако не удастся развестись вне очереди — желающих в ЗАГС'е много и все спешат. Гражданин нежно улыбается из толпы, в то время, как уже разведенная его предполагаемая жена идет к выходу.

Вскоре развелся и он. Однако, в передней кроме мрачного милиционера никого нет. На улице тоже.

— Товарищ — обращается к нему счастливый разведенный — вы не видели здесь одну даму. Такая, знаете, добродушная особочка, довольно полная в синем пальто? Ушла, говорите? Ах, досада!

Разведенный смотрит на часы и идет опять в ЗАГС.

(Кр. Знамя, № 49).

Посевная кампания.

Подготовительные мероприятия, связанные с посевной кампанией, запоздали, частью проведены очень слабо, а в отдельных случаях совершенно ничего не сде-

лано. Сортовая семен. ссуда некоторыми округами еще не получена, ссуда же полученная другими округами, выдана не всем посевицам.

Имеются очень частые случаи недостаточной доброкачественности и даже полной непригодности семен. ссуды. Снабжение с. х. машинами почти не налажено.

Очень значительна недостача запасных частей, борон, лемехов к плугам, ремонтных материалов и пр. Часто можно наблюдать, как социалисты-машиноснабжатели следуя мудрой пословице: „летом готовь сани, а зимой телегу“, усиленно предлагают земледельцу молотилки, сенокоски, косилки и прочие уборочные машины. — Дайте хоть лемех, просит земледелец, а машиноснабжатели отвечают: — хорошей стали нет... обожди, любезный.

Многие сель. хозяйств. общества привлекаются к уголовной ответственности за „извращения“ посевной кампании.

(Молот).

Заем „укрепления крестьянского хозяйства“ на Кубани.

В настоящее время на Кубани проводится кампания распространения „Займа укрепления крестьянского хозяйства“. Как и все советские кампании, так и эта направлена к ограблению хлеборобов и пополнению касс, из которых жирно питаются чекисты, комиссары всех рангов, международные проходимцы, свившие гнездо в Москве и т. п. Население уже знает, куда идут эти выколоченные рубли и потому всячески такому грабежу сопротивляется.

Можно с уверенностью сказать, что судьба „Займа укрепления хозяйства“ не будет лучше судьбы „Займа индустриализации“, а также кампании хлебозаготовок, т. е. он провалится. Коммунисты боятся лично проникать глубоко в станицу, а потому мобилизуют для такой „неблагодарной“ работы всех беспартийных, а главное учителей, учащихся и т. д.

Как проходит кампания „Займа укрепления хозяйства“ и какие воздействия при этом очередном выколачивании применяет соввласть, можно судить из фактов нижеследующих:

На какую ногу хромаем.

(Ст. Славянская).

Наша станица предполагает разместить у себя облигаций укрепления крестьянского хозяйства на сумму 66 тыс. руб.

С начала кампании по 12 февраля нашими организациями и контрагентами было продано облигаций займа всего на 3500 руб., что составляет к общей сумме заявки всего 5,3 проц.

Как видно, реализация займа до половины февраля шла у нас очень медленно.

Если проверить, то становится ясным, почему так медленно идет реализация. Главную роль в реализации займа должна сыграть у нас кооперация, но получилось наоборот.

Из той суммы, которую кооперация взялась распространить, продано облигаций всего лишь на 1 проц.

Плохо работает и ККОВ, который из взятой им суммы облигаций на 1000 р., не продал еще и на 2 руб. 50 коп.

Причина плохого распространения займа нашей кооперацией и ККОВ'ом та, что последние не ведут совершенно никакой массовой разъяснительной работы. До сих пор не устраивались общие собрания членов кооперации и членов ККОВ'а.

Впереди всех по реализации займа идут организации: профсоюзы, семеноводческое т-во, почта, женотдел и Славянский полк, которые распространили облигаций займа из общей взятой ими суммы на 21 проц.

За этими организациями — идут наши школы.

В общем, Славянская отстаёт. Надо раскататься нашим хлеборобам и распространителям. Ведь по Славянской будут равняться все станицы района!

Славянский.

Кто позорит станицу.

(Ст. Ново-Величковская).

Член совета, казак учитель Листровой Матвей Гер. и его жена учительница, имея землю, большое хозяйство, — на все предложения продать излишки и купить заем, заявили категорическим отказом.

Далеко от них не ушли и учитель Сероштан Дмитрий Сергеевич и его жена учительница, которые, являясь зажиточными по хозяйству казаками в станице, не продали ни фунта и не купили займа.

Вполне правильно ставится вопрос об исключении из членов Листрового, но этого мало, надо советской метлой вымести такой сор и из рядов трудового, честного учителя.

А. Пролетарская.

(Кр. Зн. № 51).

Наши не на высоте.

(Ст. Андриевская).

Как ни странно, но факты подтверждают, что учительство ст. Андриевской не только ничем не помогло в проводимых кампаниях, но даже были случаи, когда в этой ударной работе мешали ей.

Идет крестьянский заем.

Выделяют контрагентов учителей: Кородай А., и Черный Филипп. Первый, распространив займа на 20 р., заявил комсоду: „Я не контрагент, а учитель“ и бросил работу. Второй, продав займа на 7 руб. 50 к., тоже работу прекратил.

Проезжий.

(Кр. Зн. № 52).

Толчемся на одном месте.

(Ст. Старо-Корсунская).

Несмотря на небольшие (?) культсилы в станице, кампания по распространению крестьянского займа проходит слабо. В политпросветработе займу было уделено недостаточное внимание, стенные газеты только с 8 марта начали помещать материал: „Что дает заем крестьянину“.

Всего размещено на 8 марта — на 11.360 руб., т. е. 20 проц. общей суммы заявки. В последние дни продажа совсем ослабла, поступает в кассу около 40—50 руб.

Надо оживить работу!

А. Ж.

(Кр. Зн. № 64).

Хлеборобы слабо покупают.

(Ст. Ново-Покровская).

По сведениям на 22 февраля по ст. Ново-Покровской облигаций займа укрепления крестьянского хозяйства размещено на 6885 рублей. Членами профсоюзов взято облигаций на 2339 руб., что составляет 34 проц. к общей сумме размещенного займа по ст. Ново-Покровской. В деле размещения займа очень активно работают учительство и члены союза совторгслужащих.

Пока слабо покупают облигации займа хлеборобы, т. е. та часть населения, которая по существу должна быть в нем больше всего заинтересована. Надо побольше проводить собраний, бесед, разъясняющих хлеборобу выгоды займа.

Герасимов.

Изба-читальня спит.

(Ст. Ставропольская).

Несмотря на огромное значение проводимой кампании по распространению займа укрепления крестьян-

ского хозяйства, изба-читальня ст. Ставропольской, в противоположность другим общественным организациям, в распространении займа не принимает никакого участия.

Времени прошло немало, а в станице распространено облигаций займа из общей суммы заявки станицы только 11 процентов.

Избе-читальне надо взяться за дело и помочь стансовету выполнить работу по размещению.

Он.

(Кр. Зн. № 64).

Комсомольцы мало сделали.

(Ст. Ново-Джерелиевская).

Контрагентом-комсомольцем по реализации займа укрепления крестьянского хозяйства по нашей станице числится 5 человек. Работа идет очень слабо. За весь период кампании ими на 24 февраля распространено займа на сумму 140 руб. Комсоду, а также ячейке ВЛКСМ на работу контролеров-комсомольцев нужно обратить внимание.

Ал. Т.

(Кр. Зн. № 52).

Ждут у моря погоды.

(Ст. Таманская).

С реализацией крестьянского займа наше ЕПО совсем подгуляло. Никак не может разместить облигаций на 2.950 руб. На 20-е февраля собрано наличными 460 руб. и по подписке — 800 руб., всего 1.260 руб. Сдвиг ожидается с открытием навигации в Керчь.

Селькор.

Только на 877 рублей.

(Ст. Хмельницкая).

К 20-му февраля продано займа на 3.192 рубля на всю станицу, намечено же продать не менее, чем на 6.750 руб. ЕПО продало всего на 877 рублей.

С.

(Кр. Зн. № 54).

Только начинаем.

Запорожскому о-ву по плану предстоит продать облигаций крестьянского займа на 6 тыс. рублей, продано же к 20-му февраля всего на 600 руб. наличными и 200 руб. по подписке.

Н.

(Кр. Знамя № 54).

„Вычеркните меня“.

(Ст. Славянская).

— Тов. Ямпольский, — обращается комсомолец К. к секретарю комсомольской ячейки, — прими от меня...

— С удовольствием, — весело отвечает секретарь, — на сколько продал облигаций?

— Да нет, — беззаботно отвечает комсомолец К., — не деньги прими от меня, а облигации. И вычеркни меня, я не буду больше продавать.

— Как облигации? Как не будешь продавать?

— Да очень просто, не буду и все тут. Ходил, ходил вот и насилу продал только на 10 рублей и то в долг. Пусть другие продают, а я не умею [продавать и не хочу. Вычеркни меня...

Кто-же тогда будет показывать пример в реализации займа крестьянского хозяйства, как не комсомольцы?

С такими комсомольцами — распространителями займа Славянская организация комсомола далеко останется позади в конкурсе.

Славянский.

(Кр. Знамя № 50).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Албания. — К. — С большим интересом и удовлетворением заслушали Ваше письмо. Надеемся, что скоро будем в одних рядах.

Болгария. — София. — Аг. — Вольное Казачество с особенным вниманием отнеслось к Вашим двум письмам и шлет Вам лучшие пожелания в общей нашей работе.

Болгария. — София. — А. — Ваше интересное сообщение получено. От помещенного в журнале воздерживаемся, чтобы не было плохо лицам, которых и мы ценим.

Болгария. — В. — Тырново. — Б. — Совершенно с Вами согласны: „Нехай все Московские собаки меж собой перегрызутся, абы наши донские кобели ладали“. Согласны и с Вашей мыслью: „Тогда я был молод и, воюя с хамами, не очень-то пускался в далекие размышления: за что бью врага? — А теперь бы бил покрепче — знал бы за что бью“!.. Знаем, что не только мы, а и весь Батюшка Дон с Вами согласен!

Польша. — Пинск. — Э. К. — Рады, что Вы устраиваетесь с казаками в Венгрии связь установим.

Польша. — Холымиче. — В. Д. — Необходимые документы будут вам вручены лично представителем Вольного Казачества. Наш горячий привет всем нашим друзьям.

Польша. — Варшава. — Л. — Сведения о том, как Вы устроились, выслушали с удовольствием.

Польша. — Варшава. — Р. — Все сведения „о работе“ т. н. Р-ва имеем. Пожелание Ваше исполнено. В начале мая все о Вашем сотрудничестве с нами будет выяснено на месте.

Соединенные Штаты. — Чикаго. — С. — На великий жаль, Вашего пакета не одержано.

Франция. — Ницца. — М. — Вы пишете: „Приветствую Вас и Ваших сотрудников за светлые идеалы на благо родного Казачества, и за решительно-упорную

борьбу с ненавистниками казачьей вольности“. Просим и Вас энергичнее стать в ряды борцов за Волю и Вольность!

Франция. — Париж. — Н. и Д. — Все будет помещено. Наш вам привет.

Франция. — М. — Вы пишете, что „поход казачества „на Москву“ было временным упомешательством, безумием, и что горсть добровольцев во главе с Деникиным погубила наше тогдашнее „белое движение“, потянув нас за собою на „единой-неделимой“ веревке завоевывать русский народ“... Согласны. Потому и возникло „В. К.“, чтобы такого безумия не допустить в будущем. Правы Вы, что „глупо было идти в чужой Московский монастырь со своим казачьим уставом“... Согласны с Вами и в том, что Казачество, борясь за свою долю и волю, никому не изменяло и не изменяет. К этому вопросу вернемся еще и в журнале. Привет Вам.

Югославия. — Белград. — С. С-а. — Вам было передано сообщение, весьма интересное Вольному Казачеству. В чем дело?

Югославия. — Г. Ш. — Листа Вашего від 24-III одержали. Журнал посилаємо, як пишете. Ви пишете, що „В. К.“ Вам „по духу“. Просите, щоб ми берегли журнал — „нашу дитину“. — Будемо берегти і разом працювати. Раді ми дуже що журнал „воруше всюде“. А що торкається віри „простых козаків, що ми „визволемо Кубань“, то це вже буде и мусить бути спільна праця. Гортуймося до купи, тоді легше буде. Посылаємо листа.

Чехия. — Тлустице. — Ш. — Вы пишете: „Хвалю тех людей, которые решили издавать журнал „В. К.“. С путем Вашего журнала я согласен. Пора нам проснуться; довольно нам защищать чужие интересы. Нужно больше стараться о самих себе“. Вы правы. Как Ваше здоровье?

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ ВТОРОЙ
НОМЕР КАЛМЫЦКОГО (КАЗАЧЬЕГО) ЖУРНАЛА.

„УЛАН ЗАЛАТ“

Издание Калмыцкой Комиссии Культурных
Работников в Ч. С. Р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № в РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:

В Ч. С. Р.	9 корон чешских.
В Югославии	15 динар.
В Болгарии	30 лева.
Во Франции	7 фр. 50 с.
В других странах	45 ам. ц.

ДОСТАВАТЬ МОЖНО:

Во Франции: Казачий Союз, 1, Villa Chauvelot, Paris XV-е
В Югославии: Санжи Цуцков, Белград, улица Краля
Александра, № 120.

В Болгарии: Бадьма Иванов (Калмыцкий Комитет), Со-
фия, кв. Хаджи-Дмитров, ул. Арчарица, № 19.

В Чехословакии: Чешско-Русский книжный магазин Ф.
Свобода, Вацлавская пл., № 57.

Адрес Редакции и конторы: Revnice, č 120, Tchécoslo-
vaquie.

КНИГИ

по сельскому хозяйству, кооперации и сокольству
имеются на складе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

„ХУТОР“

Каталоги и проспекты курсов заочного обучения
по сельскому хозяйству и кооперации высылаются
бесплатно.

Сыновьям бедных казаков и крестьян могут быть пре-
доставлены особые льготы, если о том поступят ходатайства со стороны местных русских культурно-просветительных организаций.

Адрес:

„CHUTOR“, Praha XI, 1239.

Tchécoslovaquie.

Розыски.

Казака станицы Ивановской Антона Тихоновича
Лукьяненко просит откликнуться А. Барилко, Tchécoslo-
vaquie, Lázně Poděbrady, villa „Andělka“.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11, Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянскихъ языкахъ.